

ТУРЕЦКИЙ БОБСЛЕЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АРСЕНИЙ ФЕДОРИН

18+

Арсений Федорин

Турецкий бобслей

Серия «Юмор», книга 2

<https://litres.ru/73757167>

SelfPub; 2026

Аннотация

Питер. Дождь, работа, ипотека и одна мысль, которая не даёт покоя: «Когда уже на море?»

Лёха — викинг с серьгой в ухе, психиатр по образованию, торгующий постельным бельём на Wildberries. Слава — врач-уролог, который никогда не видел моря, зато носит трусы с утками и хранит записку в значке с Лениным. Андрей — бизнесмен, спящий в подсобке собственного магазина и считающий каждую копейку.

У них нет плана, нет лишних денег и вообще они не умеют плавать. Но однажды вечером они выпили лишнего, вспомнили, что жизнь одна, и купили билеты.

Впереди — отель с личным бассейном, бармен, который знает больше ста коктейлей, и целая страна, которая ещё не знает, что с ней сделают трое друзей в гавайских рубашках.

Будет жарко. Будет смешно. Будет «Славик, не пизди».

«Турецкий бобслей» — роман о том, как съездить в отпуск и не убить друг друга. Почти.

Содержание

Глава	4
Пролог.	5
Глава 1.	8
Глава 2.	34
Глава 3.	52
Глава 4.	71
Глава 5.	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Арсений Федорин Турецкий бобслей

Глава

Пролог.

Два года назад мне приснился сон.

Обычно сны живут ровно столько, сколько длится утро. К полудню от них остаётся только смутное ощущение – что-то было, но что? – а к вечеру и этого нет. Но этот сон не ушёл.

Я проснулся и помнил всё.

Море. Троих парней в гавайских рубашках – красной, жёлтой, зелёной. Бармена с чёрными усами, который смешивал коктейли так, будто это была не работа, а древний ритуал. Горки в аквапарке, уходящие в небо. Покерный стол, зелёное сукно, фишки, которые летели в центр банка. И монеты, падающие в воду.

Я рассказал этот сон всем друзьям. Потом ещё раз. Потом снова. Не потому, что я тогда был писателем – я им не был. Просто сон оказался настолько живым, что его хотелось пересказывать, как будто я там действительно был. Как будто это не мне приснилось, а меня туда на время перенесли.

Прошёл год. Сон не стёрся.

Прошёл второй. Он всё ещё был со мной.

Тогда я понял: сны, которые остаются через два года, – это не просто сны. Это истории, которые хотят быть рассказанными.

Я сел за стол и начал писать. У меня не было плана, не

было имён – только образы. Лёха появился первым. Потом Слава. Потом Андрей. Адам пришёл сам, когда я дописывал третью главу. Есения – на пятой. Они вели себя так, будто всегда знали, что им делать. Мне оставалось только записывать.

Но есть вещь, которую я должен сказать сразу.

Лёха – это я. Только имя другое. Я такой же большой, с длинными волосами и серьгой в ухе. Слава – мой лучший друг, он правда учится на врача. Андрей – мой друг, он и в жизни владелец магазина одежды. Я изменил их имена и чуть-чуть подправил характеры – чтобы им было комфортно, а мне было интереснее писать. Но их голоса, их шутки, их привычка говорить «Славик, не пизди» – это всё настоящее.

Всё, что вы прочтёте, было в том сне. Не буквально, конечно. Сон был коротким, обрывочным, как вспышка молнии, которая освещает комнату на секунду – но в эту секунду видишь всё. Он дал мне главное: вкус, цвет, ощущение, что такие дни – даже если они только сняты – остаются с тобой навсегда.

Я просто записал то, что увидел.

И теперь это ваша история.

P. S. Говорят, Менделееву его таблица тоже приснилась. Я, конечно, не Менделеев. И книга моя – не таблица химических элементов. Но если уж великие умы пользовались таким методом, то и мне, пожалуй, можно. Тем более что мои

«химические элементы» – это трое друзей в гавайских рубашках. И они, в отличие от таблицы, ещё и существуют на самом деле.

Глава 1.

Яркое летнее солнце пробивалось сквозь окно. В квартире – незаправленная кровать, разбросанные носки и немытая посуда. Обычное утро холостяка.

Лёха сидел на кухне и пил чёрный чай с сахаром. Длинные кудрявые волосы были собраны в пучок на макушке. Он не хотел их стричь – они давали ему уверенность и чувство индивидуальности. Где вы видели накачанного мужчину с длинными волосами и серьгой в ухе? Такими были только наши предки. Викинги. Он просто был викингом.

На улице – лето, тепло и ярко. Лёха работал из дома: продавал товары на Wildberries и имел с этого хороший доход. Ему не нужно было думать, где найти лишний косяк до зарплаты. Порой этим косяком оказывался он сам.

Он допил чай, взял со стола пачку сигарет и вышел на балкон. Нужно было перекурить, чтобы окончательно стряхнуть сон. С девятого этажа открывался вид: футбольное поле, детский сад, а где-то вдалеке – школа.

Лёха достал телефон, набрал номер.

– Андрюх, чё, выпьем сегодня?

– Лёх, я на работе. Но после – можно.

– Ты бизнесмен, какая работа? Закрыл свой магазин и пошёл пить пиво с корешем.

– Ха-ха, ты у нас остроумен. – Андрей усмехнулся в трубку. – Подгоняй к восьми. У меня как раз магазин до восьми работает.

– Окей, буду в восемь.

Лёха убрал телефон в карман.

Докурив сигарету, Лёха пошёл принимать душ. Никотиновая палочка не помогла проснуться до конца – нужно было принимать меры пожестче. Ледающей душ. Пять минут – и ты как новенький, будто заново родился. Лёха пошёл перерождаться.

Холодная вода разбудила его окончательно. Недолго думая, он натянул на мокрое тело шорты и футболку. Волосы даже не стал сушить. Зачем? Когда ты холостяк, а идти до друга всего один квартал, эти условности не имеют смысла. Надел кроксы, сунул в карманы телефон, две пачки сигарет, ключи – и вышел.

На улице было влажно. Лёха жил в Питере, и погода летом здесь была невыносима: пять минут на солнце – и ты уже липкий и мокрый, как будто из душа не выходил. Он прошёл мимо местного магазина, где каждую пятницу покупал бутылку пива, мимо отделения банка – и вот он уже стоит у нужного подъезда. Набрал номер квартиры.

– Кто? – в домофоне раздался сонный голос.

– Славик, не пизди, свои.

Дверь открылась с противным писком домофона.

Лёха поднялся на третий этаж. В дверях его встретил друг: взъерошенный, с кудрявыми волосами, с глазами, которые только что открылись, и в трусах с утками.

– Здорова, писькин доктор, – улыбнулся Лёха и протянул руку.

– Здорова, здорова, неудавшийся бизнесмен, который торгует на Wildberries постельным бельём.

– Тише будь. Я хотя бы не рассматриваю мужские гениталии, – парировал Лёха, проходя в квартиру.

Квартира Славика встретила Лёху привычным запахом: табак, дешёвый стиральный порошок и вчерашняя еда. Тот самый запах холостяцкой берлоги, где никто не парится, что думают соседи или девушка, которой всё равно нет. На журнальном столике – пепельница, забитая бычками до краёв, рядом кружка с остывшим чаем и стетоскоп, зачем-то принесённый из больницы. Диван не заправлен, одеяло сползло на пол, на спинке стула висят брюки и белый халат вперемешку. Книги по медицине свалены в углу стопкой, сверху – сигарет и зажигалка. Форточка открыта, но запах дыма въелся в шторы насквозь. Квартира как сам Слава: молодой, не причёсанный, вечно в процессе, но по-своему уютный.

Слава прыгнул обратно на диван, взял пачку и закурил. Лёха, не дожидаясь одобрения, сделал то же самое.

– Ты бы хоть убрался. Вроде врач, а в квартире свинарник.

Слава затянулся сигаретой и выдохнул дым прямо в лицо Лёхе. Этот жест был ясен без слов: следи за собой, а не за

мной. Двое друзей сидели на диване и курили. Их связывало многое: общее детство, один институт, но разные факультеты. Лёха был психиатр. И после окончания не пошёл в ординатуру, а занялся маленьким бизнесом на Wildberries. А вот Слава, поняв, что у него талант в мужских гениталиях, уже второй год проходил ординатуру.

– У тебя уже отпуск? – спросил Лёха.

– Ага, до конца августа дома торчать.

– Лучше дома, чем с мужскими письками возиться.

Слава невольно улыбнулся. Он и сам не знал, как выбрал именно это направление, но что-то в этом было.

– Пошли за пивом, а вечером к Андрюхе.

Слава резво вскочил с дивана, отряхнул пепел прямо на пол.

– погоди, я хоть в душ схожу, а то от меня за километр больницей несёт. А ты пока холодильник проверь, может, там чего осталось. Но я не обещаю, что оно не убежало.

Слава скрылся в ванной, и через секунду оттуда заорал кран. Лёха усмехнулся и поплёлся на кухню.

Холодильник у Славы был как сам Слава – молодой, перспективный, но полностью не причёсанный. На верхней полке сиротливо стояла начатая банка маринованных огурцов, рядом – кусок плавленого сыра в развёрнутой фольге и почему-то один медицинский справочник. На средней полке – пустота и пара яиц, которые, судя по виду, лежали тут ещё до начала ординатуры. В дверце – кетчуп, горчица и забытый

кем-то тюбик с таблетками, названия которых Лёха решил не читать, чтобы не травмировать психику.

– Слав, у тебя тут только огурцы и яйца! – крикнул Лёха в сторону ванной.

– Ну так свари! Я же врач, мне надо питаться здоровой пищей! – донеслось в ответ под шум воды.

– Здоровой? Это называется сраной, а не здоровой!

– Не нравится – не жри! В магазине купим, не ссы!

Лёха захлопнул холодильник и закурил вторую прямо на кухне, пуская дым в открытую форточку. Минут через пять из ванной вышел Слава – мокрый, взлохмаченный, с полотенцем на плече, уже в нормальных шортах и футболке.

– Ну чё, погнали?

– Погнали. Только ты хоть волосы высуши, а то мокрый как мышь.

– Да нормально, лето, высохнут по дороге. Ты же свои не сушил, когда шёл.

– Так я викинг, мне можно. А ты – уролог, у тебя имидж должен быть солидный.

– Иди в жопу, Лёх. Пошли уже.

Они вышли в коридор, Слава сунул ноги в кроссовки, нашарил ключи, и дверь за ними хлопнулась с гулким эхом пустой квартиры.

Выйдя на улицу, они направились к тому самому магазину, мимо которого Лёха проходил раньше. Там работала

знакомая продавщица, которую на районе прозвали местной альтушкой. Внешность у неё была, мягко говоря, на любителя, но Лёхе это не мешало. Он вообще ценил в людях другое. А она оказалась начитанным и глубоким человеком – с ней было о чём поговорить. Но больше всего Лёху зацепило другое. У неё была проблема: она грызла ногти до крови. Не просто нервничала, а реально сдирала кожу, когда переживала. Лёха, отучившийся на психиатра, не смог пройти мимо. Так, невзначай, между покупками, он начал проводить ей сеансы. Просто разговаривал, слушал, задавал вопросы. И, кажется, это работало.

Зайдя в магазин, они сразу направились в отдел с пивом. Слава был поклонником немецкого – ужасно дорогого, как он сам считал, элитного. Он сразу взял себе две бутылки по 0,5 и встал в стороне, наблюдая за Лёхой, который оценивающим взглядом выбирал себе пойло.

– Ну ты долго? – нетерпеливо спросил Слава.

– Славик, не пизди. Дай подумать.

Взгляд Лёхи скользнул по полке с премиальным уральским пивом. Он был на Урале, там жила его старая, толстая тётка – именно она когда-то приучила его к этому сорту. «Бергауэр Вишня». Самое вкусное пиво, которое Лёха вообще когда-либо пробовал. Он взял две бутылки, и они направились к кассе, по дороге прихватив две пачки «Чебупиццы».

– Геля, привет, – поздоровался Лёха с продавщицей.

– Привет, Лёш. Вы сегодня на пиве?

– Ага. Скидочку сделаешь? – с улыбкой спросил Лёха.

– Сделаю, сделаю, – улыбнулась в ответ Ангелина.

Лёха на секунду отвлёкся, подошёл к прилавку с шоколадом, взял плитку с цельным фундуком и бросил на ленту. Пока Ангелина пробивала товар, он внимательно смотрел на её пальцы. И удивился. Аккуратный маникюр – перед его глазами были ухоженные руки, без единой ранки. Неужели он не зря учился пять лет? Неужели у него правда получилось помочь человеку?

– Красивый маникюр, – кивнул он в сторону её рук.

– Спасибо. Всё благодаря тебе.

– Мне?

– Ты думаешь, я не поняла, как ты мне мозги два месяца лечил?

Слава, стоявший сзади, усмехнулся и хлопнул Лёху по плечу.

– Хороший из тебя психиатр получается.

– Ты психиатр? – удивилась Ангелина.

– По диплому – да.

– А я думала, ты просто постельное продаёшь.

– Это тоже, – улыбнулся Лёха.

Ангелина пробила четыре бутылки, «Чебупиццу» и шоколадку. На табло высветилась сумма: 537 рублей. Она нажала какую-то кнопку, и цифра изменилась: 421 рубль.

– Ты волшебница, – искренне удивился Лёха.

Ангелина просто улыбнулась в ответ.

Пока Слава складывал продукты в пакет, Лёха выхватил у него из рук шоколадку и положил обратно на ленту, прямо перед Ангелиной.

– Это тебе, – улыбнулся он и вышел из магазина. Слава, нагруженный пакетом, поспешил за ним.

На улице всё ещё было то самое противное питерское лето – влажное, липкое, когда воздух можно трогать руками. Слава достал сигарету и присел на лавочку возле магазина.

– Ты чего сел? – спросил Лёха.

– Посидим немного. Дух перевести надо.

Слава затянулся. Лёха присел рядом, тоже достал сигарету, прикурил. Некоторое время они молчали, глядя куда-то в сторону дороги.

– На море хочу, – вдруг сказал Слава. И добавил, словно оправдываясь своей же дурашливостью: – Бабы, бухло, аквапарк и никаких писюнов.

Лёха улыбнулся, глядя перед собой.

– Это точно. Помню, в детстве когда ездил в Турцию – вообще сказка была.

Слава кивнул, улыбнувшись, но улыбка получилась какой-то другой. Не та, которой он ржал над трусами с утками или спорил про пиво. Тихая, почти грустная. Он никогда не был на море. Родители не могли позволить. Мама работала продавщицей, отец – обычным рабочим на заводе. Денег

хватало только на еду. Море было оттуда, из параллельной жизни, где люди живут по-другому.

– Я же никогда на море не был, – сказал Слава. Просто факт. Без жалости к себе, без надрыва.

– Я знаю, – ответил Лёха и затушил бычок о горячий асфальт.

До вечера долетели незаметно.

Они сидели в квартире Славы, напротив старого телика, и драли друг друга в приставку. Сначала гоняли в FIFA – Слава пеналити не забивал даже при пустых воротах, Лёха ржал так, что соседи снизу постучали по батарее.

– Да как ты не можешь попасть, блин?! – орал Лёха, бросая джойстик на диван.

– Не пизди, у меня просто джойстик кривой! – оправдывался Слава, хотя оба знали, что джойстик новый.

Потом врубили Mortal Kombat. Слава взял Саб-Зиро и, сам того не ожидая, сделал фаталити. Лёха смотрел на экран с открытым ртом, пока Слава вскакивал с дивана и бегал по комнате с победным криком:

– Я ТЕБЯ ЗАМОРОЗИЛ, ЧУВАК!

– Иди в жопу, это рандом, ты просто кнопки на рандом долбил!

На UFC Слава вышел в октагон бойцом в трусах с утками – специально выбрал, Лёха чуть не подавился пивом. Они лупили друг друга на экране, комментируя каждый удар:

– Лёха, он тебе печень выбил! А ты психиатр, тебе голова нужна, чтобы с больными разговаривать, а печень – так, для аппетита!

– Зато ты уролог, Слава, тебе ниже пояса бить нельзя. Профессиональная этика и всё такое.

К восьми вечера оба уже охрипли, пиво закончилось, а на полу валялись пустые бутылки, обёртки от «Чебупиццы» и два джойстика, которыми они чуть не убили друг друга в особо напряжённый момент.

Телефон Лёхи завибрировал. Андрюха.

– Лёх, вы где? Я стол накрыл уже, виски ждёт. Кстати, захватите покер. Давай, жду.

Лёха сбросил трубку.

Они вышли на улицу – собранные, готовые к пьянке. Питерский вечер встретил привычной духотой, но сейчас она не бесила. В голове уже был только виски, покер и Андрюха.

– Давай до меня. Там такси вызовем, – сказал Лёха, и они свернули в сторону его дома.

Дорога была быстрой и спокойной. Почти не разговаривали. Иногда друзьям не нужны слова – они просто шли рядом, и этого хватало.

Лёха открыл дверь, пропустил Славу вперёд и сразу прошёл в комнату. Из шкафа достал потрепанный чемоданчик – покерный набор, сувенир из самой Америки. Подарок дядьки. Он провёл пальцем по крышке. Внутри лежали фишки,

карты, наклейки казино – всё почти новое, хотя набору уже лет шесть. Лёха редко им пользовался. Слишком много значил.

Дядька приучил его к азартным играм. Когда Лёхе было шестнадцать, тот впервые взял его с собой в подпольное казино – «просто посмотреть, просто прочувствовать атмосферу». Лёха тогда не понимал, почему у взрослых дядек так горят глаза, когда на кону стоят тысячи. Но быстро научился чувствовать этот ток – как наркотик, как адреналин, как что-то первобытное.

Лёха был игроманом. Не в том смысле, что спускал всё до копейки – нет, он умел тормозить. Но внутри у него жил зверь, который просыпался, когда фишки ложились на стол, когда карта ложилась рубашкой вверх, когда ставка росла. Он любил этот риск. Любил испытывать удачу. Любил момент, когда сердце проваливалось в пятки, а потом взлетало к горлу. Но он никогда не проигрывался в прах. Никогда не доходил до края. Потому что три года назад он увидел, как этот край выглядит. Дядька взял его с собой в казино – в подпольное. Там пахло дорогим виски и чужими деньгами. Дядька играл по-крупному, Лёха просто стоял за спиной и смотрел. А потом дядька проигрался. Сильно. Так, что пришлось снять с себя золотой крест – бабушкин, освящённый, семейный – и оставить его на столе вместо денег.

Лёха запомнил этот момент навсегда. Не сумму проигрыша, не лицо крупье, а именно крест, лежащий на зелёном

сукне среди фишек. И глаза дядьки – пустые, как будто из него вынули душу, а оставили только оболочку. С тех пор каждый раз, когда Лёха чувствовал, что зверь внутри просыпается слишком сильно, он вспоминал этот крест. И уходил. Всегда. Вовремя.

– Ты там заснул? – крикнул Слава из прихожей. – Давай быстрее, такси уже едет.

Лёха захлопнул чемоданчик и вышел к другу.

Такси приехало через пять минут – жёлтая «Лада Гранта», потрёпанная, с замызганными сиденьями и запахом дешёвого освежителя. Слава с Лёхой забрались на заднее сиденье, хлопнули дверями и почти одновременно уткнулись в телефоны.

Водитель – мужик лет пятидесяти, лысый, в очках – мельком глянул в зеркало заднего вида и понял: пассажиры не болтливые. Ну и хорошо.

Слава листал рилсы в TikTok, периодически всхрапывая от смеха. Лёха писал матери.

Лёха: «Мам, привет. Скинь номер турагента»

Мама: «Привет, сынок. Держи, Людмила, „Слетай с нами“. А зачем тебе?»

Лёха: «Да так, просто. Может, пригодится»

На экране загорелось имя и номер. Людмила. Турагент-

ство «Слетай с нами». Лёха глянул на сообщение, улыбнулся и уже собрался убрать телефон в карман, как вдруг почувствовал на себе взгляд.

Слава оторвался от рилсов и смотрел на него в упор, чуть прищурившись.

– Ты чё там пишешь?

– Маме, – Лёха слишком быстро сунул телефон в карман.

– А чё прячешь тогда?

– Не прячу. Просто экран погас. Следи за дорогой лучше, а то Гранта сейчас развалится.

Слава фыркнул, но спорить не стал – снова уткнулся в телефон. Там мужик в костюме банана учил зрителей жарить яичницу «без стресса». Слава подумал, что стресс у него теперь будет пожизненно, и лайкнул видео. Лёха отвернулся к окну. За стеклом проплывали питерские дворы, мусорные баки, деревья, ещё не успевшие покрыться нормальной пылью. В голове уже прокручивался план. Осталось донести его до Андрюхи так, чтобы тот не долго думал. План был. Осталось только, чтобы всё сложилось.

Они подошли к магазину одежды. Андрюха прямо в нем и жил. Вывеска горела неоном, в витрине стояли манекены в худи и джинсах – обычный магазин на первом этаже жилого дома. Только вот за дверью, в подсобке, у Андрюхи была кровать, маленькая плита и холодильник, в котором вечно лежала нормальная еда, а не доширак. Он вложил все деньги

в этот бизнес и не видел смысла тратиться на съём квартиры, если можно спать прямо на рабочем месте. Друзья всегда удивлялись: денег у него хватало, мог бы снять как минимум однушку, но нет. Андрюха выбирал бизнес. Каждое утро он просыпался и сразу был на работе. Каждый вечер закрывал магазин и ложился спать, даже не выходя на улицу.

Лёха со Славой толкнули дверь, звякнул колокольчик.

– Есть кто? – крикнул Лёха.

Из подсобки вышел Андрюха. Худощавый, жилистый, в свободной футболке и джинсах. Худоба была не от голода – ел он лучше всех из их компании. Просто метаболизм у пацана был зверский: мог умять полпиццы на ночь и утром встать с плоским животом. Природа.

– О, явились, – Андрюха развёл руки в стороны, словно собирался обнять сразу обоих. – Проходите в подсобку, там уже всё накрыто.

Лёха со Славой переглянулись и двинули за ним. Из-за спины Андрюхи уже виднелся стол, на котором стояли те самые две бутылки виски.

В подсобке был порядок. Аккуратно разложенные коробки с кроссовками, ряды курток, кофт, худи, штанов – всё по полочкам, всё на своих местах. Это был и склад, и ночлег два в одном. Посреди комнаты стояли мягкие мешки с гранулами – вместо кресел. Друзья без церемоний плюхнулись в них, утопая в синтепоне.

Из зала послышался щелчок замка. Андрей закрыл мага-

зин.

– Бизнесмен, а курить нам где? – крикнул Слава, уже доставая пачку.

– Через задний двор выйдете, покурите. Там ведро с водой стоит, тушите аккуратно.

– Андрей Сергеевич, а что-то типа кальяна сегодня будет? – улыбнулся Лёха, развалившись в мешке.

– Будет, будет, – Андрей довольно улыбнулся в ответ. – Угли пошёл ставить. Вы пока наливайте.

Лёха потянулся к столу и взял бутылку. Дорогой виски. Не та севуха, которую они глушили в детстве, мешая с колой и надеясь не ослепнуть. Такая бутылочка около двух тысяч стояла – нормальный виски, со вкусом, с характером. Лёха покрутил её в руках, читая этикетку, довольно хмыкнул и поставил обратно.

– Ну, Андрюха даёт, – протянул Слава, рассматривая вторую бутылку. – Разорился что ли?

Из угла, где стояла плита было слышно, как Андрей возится с кальяном. Запах пока не пошёл, но Лёха знал: скоро комнату наполнит не сигаретный смрад, от которого потом проветривать полдня, а лёгкий, сладковатый фруктовый дым. Андрей всегда брал нормальный табак – с ароматизаторами, без вони. Даже если весь магазин прокоптится, запах будет как от дорогой кондитерской или чайной лавки. Покупатели приходят и не понимают, почему в магазине одежды пахнет персиками или мятой. А это просто Андрей в под-

собке расслабляется после рабочего дня.

Первый тост был коротким. За встречу. Второй – за то, чтобы не проснуться завтра с пустыми карманами. Третий уже никто не формулировал – просто чокнулись и выдохнули.

Виски лился тёплой волной по пищеводу, разгонял кровь, развязывал языки. Уже через полчаса Слава стоял посреди подсобки с бокалом в руке и рассказывал историю про пациента, который пришёл на приём с огурцом. Не с огурцом в прямом смысле, а с проблемой, которая случилась из-за огурца. Лёха ржал так, что мешок под ним ходил ходуном, а Андрей, пуская клубы персикового дыма, только качал головой:

– Слав, ты это в книгу записывай. Хотя нет, в книгу нельзя, там же твоя фамилия будет.

– А я под псевдонимом! – отмахнулся Слава. – Буду писать как доктор Слава. Или Славик-уролог.

– Славик-пенис-менеджер, – добавил Лёха, и они зашлись в новом приступе смеха.

Кальян дымил ровно, сладкий дым плыл по подсобке, смешиваясь с запахом виски и новой одежды. Андрей сидел на мешке, расслабленный, довольный, поглядывал на друзей и понимал: вот за это он и любит такие вечера. Не за виски, не за кальян, а за то, что можно просто быть собой и ржать над любой фигней.

Бутылка заметно похудела. На дне плескалось грамм двести, когда Андрей хлопнул ладонью по столу.

– Всё, пацаны. Хватит травить. Давайте в покер.

Слава аж подскочил на месте:

– О-о-о, делаем!

Лёха, не говоря ни слова, потянулся к своему рюкзаку и вытащил тот самый чемоданчик. Щёлкнули замки, открылась крышка. В тусклом свете подсобки блеснули фишки – зелёные, красные, чёрные. Колода лежала сверху, запечатанная.

– Америка, блин, – присвистнул Андрей, разглядывая набор. – Серьёзно подходишь.

– Всегда, – коротко ответил Лёха и начал выкладывать фишки на стол.

Слава уже потирал руки. Андрей разлил остатки первой бутылки по стаканам – на посошок, перед игрой. Лёха разорвал упаковку, достал колоду, ловко перетасовал карты. Пальцы помнили эту музыку – шорох пластика, щелчок колоды о стол. Карты легли на стол. Фишки заняли свои места. Начиналось самое интересное.

Прошло два часа.

Подсобка Андрюхиного магазина плавала в сизом дыму. Вторая бутылка виски была уже наполовину пуста, фишки валялись по всему столу, а Андрей сидел в углу на мешке, привалившись спиной к коробкам с кроссовками, и вяло по-

тягивал свежезабитый кальян. Он вылетел минут сорок назад, проиграв всё до копейки, и теперь просто наблюдал за финальной битвой, изредка вставляя пьяные комментарии.

– Давай, Лёха, покажи этому пенисному доктору, кто тут король, – пробормотал Андрей, выпуская клуб персикового дыма.

За столом остались двое.

На столе лежали пять общих карт: флоп, терн и ривер. Банк уже приличный, фишек больше, чем в начале игры. Слава сидел напротив Лёхи, в глазах – азарт пополам с виски. Он глянул на свои две карты, потом на общие, и еле заметно улыбнулся.

– Ну что, психиатр, – растянул он губы в пьяной улыбке, – лечить тебя будем?

– Лечи, доктор. Только у меня иммунитет крепкий, – Лёха посмотрел на свои карты, прикинул комбинацию и кивнул. – Ладно, не томи. Вскрываюсь.

Он перевернул свои две карты и развёл руками:

– Фулл хаус. Тройка семёрок, двойка дам. Все деньги – на стол, пацаны.

Андрей присвистнул из угла:

– Ого, Лёха, серьёзно!

Но Слава не спешил сдаваться. Он сидел, покачиваясь, и смотрел на свои карты с таким видом, будто ставил диагноз.

– Фулл хаус, говоришь? – протянул он. – Ну, Лёха, это ты зря. Сейчас я тебе пропишу лечение.

Он театральнo перевернул первую карту:

– Первая карта. Смотрим анамнез. У меня... – он сделал паузу, – гонорея.

Андрей поперхнулся дымом и закашлялся.

– Чего?!

– Гонорея, – важно повторил Слава. – Болезнь неприятная, но лечится. Антибиотики, покой, воздержание от покура на раздевание.

Лёха заржал, откинувшись на мешок.

Слава поднял палец, призывая к тишине, и перевернул вторую карту:

– А вот вторая карта. Смотрим, что тут у нас... Опа! Уреаплазмоз. Тоже урологическая штука. Тоже лечится, но в паре с гонореей даёт интересную клиническую картину.

– И что это за картина? – подыграл Лёха, утирая слёзы.

Слава посмотрел на общие карты на столе, потом на свои, и торжественно объявил:

– А теперь, Лёха, смотри сюда. На столе у нас флоп, терн и ривер. Тройка, семёрка, дама, ещё одна дама и король. – Он ткнул пальцем в карты. – И вот это всё в сочетании с моей гонореей и уреаплазмозом даёт... – драматическая пауза, – полный диагностический букет! А по-вашему, по-покерному – каре, сука!

Слава швырнул карты на стол и откинулся назад, довольный, как кот, который сожрал сметану. На столе лежали его две карты плюс пять общих – и это действительно было каре

из дам. Четыре дамы. Старше, чем фулл хаус Лёхи.

– Охренеть, – выдохнул Андрей из угла. – Он тебя выле-чил, Лёха.

Лёха смотрел на карты, на Славу, снова на карты – и вдруг расхохотался так, что мешок под ним чуть не лопнул.

– Слава, ты гений! Ты просто грёбанный гений! Обыграл меня с гонореей и уреаплазмозом!

– Я ж уролог, – Слава пожал плечами с максимально до-вольной рожей. – Я даже в покере диагностики ставлю. И, как видишь, всегда нахожу патологию.

Андрей, шатаясь, поднялся и потянулся за второй бутыл-кой:

– Всё, пацаны, за это надо выпить. За Славу-диагноста! Чтобы болезни были только в покере и никогда в жизни!

– За это можно! – подхватил Лёха.

Он чокнулся со Славой, потом с Андрюхой, который про-тянул свой стакан, даже не вставая с мешка. Персиковый дым от кальяна смешался с запахом виски, и в подсобке ста-ло по-настоящему тепло, уютно и по-пацански хорошо.

После покера все пошли бродить по магазину Андрюхи. Сначала просто шатались между рядов, разглядывая вещи, которые днём висели на плечиках для покупателей, а теперь стали частью их личного пространства. Слава с Лёхой при-меряли всё подряд: футболки, кепки, худи, даже кроссовки напялили прямо поверх носков. Андрей, покачиваясь, но с

сохранившимся профессионализмом, комментировал:

– Это «Nike», оригинал. Это «Adidas», лимитка. Это местный бренд, но качественный, бери не пожалеешь.

Слава натянул на голову бейсболку задом наперёд, покрутился перед зеркалом и вдруг замер. Взгляд упёрся в дальний угол, где на манекенах висело что-то яркое, почти кричащее.

– Андрюха, это чё? – Слава уже шагал туда, забыв, что на нём только трусы и напяленная поверх них футболка.

На вешалке висели три гавайские рубашки. Красная, жёлтая и зелёная – как светофор, как три друга, как само лето, которое они ещё не прожили, но уже чувствовали кожей.

Андрей подошёл, щурясь, потому что в глазах уже плыло от виски.

– А, это... Старая коллекция. Я её года три назад купил, думал, разойдётся. А они висят до сих пор. Думал, может, этим летом кто-нибудь да купит.

– Я беру, – выпалил Слава, не думая ни секунды.

– Тебе бесплатно, – улыбнулся Андрей и протянул руку.

Они пожали друг другу руки, и Слава, не снимая футболки, натянул красную гавайку прямо поверх неё. Пуговицы застегнул через одну, поправил воротник и вышел в центр магазина.

Походка была пьяной, гордой и абсолютно счастливой. В трусах, в носках, в новой красной рубашке поверх футболки – Слава расхаживал между рядами, как по подиуму.

– Ну как? – крикнул он, раскинув руки.

Лёха с Андрюхой переглянулись и заржали в голос.

– Ты похож на ведущего корпоратива, который заблудился по дороге в баню, – выдал Лёха.

– А я готов! – Слава развернулся на пятках, чуть не упал, ухватился за манекен и продолжил дефилировать. – Это моя новая форма! Докторская! В таком виде буду пациентов принимать!

– С такими пациентами ты сам пациентом станешь, – хмыкнул Андрей, опираясь на стойку, чтобы не упасть.

Они вернулись обратно в подсобку и налили ещё виски. Того, что оставался на дне второй бутылки. Уже не пафосно, не с тостами – просто плеснули по чуть-чуть, потому что остановиться было нельзя. Ритуал требовал завершения.

Лёха встал, качнулся, чуть не завалился на бок, но в последний момент ухватился за спинку стула и устоял. Андрей со Славой следили за этим манёвром с таким напряжением, будто смотрели финал чемпионата по фигурному катанию.

– О-о-о, – выдохнул Слава. – Лёха встал! Лёха решил что-то сказать! Дамы и господа, минуточку внимания!

– Заткнись, – Лёха поднял палец, пытаясь поймать равновесие и мысль одновременно. – Я ща скажу важное.

– Если ты ща скажешь, что хочешь жениться, я вызываю такси и уезжаю, – Андрей заржал и отхлебнул из стакана.

– Не бойсь, не на тебе. – Лёха глубоко вдохнул, как перед прыжком в прорубь. – Пацаны. Слушайте сюда. Поехали в

Турцию.

Тишина. Только кальян тихо булькал в углу.

– В смысле? – переспросил Андрей, щурясь так, будто это поможет ему лучше понять услышанное.

– В прямом. Я уже всё пробил. У меня есть турагент, Людмила, «Слетай с нами». Мама скинула. Завтра съездим, билеты возьмём, отель забьём. – Лёха обвёл их мутным, но решительным взглядом. – На всех выйдем тысяч двести. Ну, может, двести пятьдесят.

Слава с Андрюхой переглянулись. Потом уставились в свои стаканы. Потом снова друг на друга.

– Двести тысяч? – протянул Андрей, почёсывая затылок. – Это, типа, моя недельная выручка. Если плохая выручка. А если хорошая – то полторы.

– Бизнесмен, не ной, – отмахнулся Слава. – Ты на коробках с кроссовками спишь, у тебя расходов ноль. Куда ты деньги деваешь?

– В бизнес вкладываю! – Андрей даже обиделся, насколько это вообще возможно в его состоянии. – У меня скоро второй магазин откроется, между прочим!

– Вот во втором магазине и будешь спать, – Лёха махнул рукой. – А сначала в Турцию я сказал.

Слава задумчиво посмотрел в потолок, потом на свою красную гавайку, потом снова на Лёху.

– Слушай, а две штуки баксов – это реально? Я, блин, уролог, у меня ипотека, я вообще не знаю, где у меня эти двести

тысяч взять.

– Найдутся, – отрезал Лёха. – Ты же сам говорил: продашь почку.

– Так я ж не хирург, я уролог! – заржал Слава. – Мне почку продавать – это как стоматологу зуб себе вырывать. Непрофессионально!

– А ты не свою продавай, – вдруг выдал Андрей с абсолютно серьёзной рожей. – Ты ж пациентов с почками видишь каждый день. Может, кто-нибудь не заметит?

Слава вытаращил глаза, а потом заржал так, что с мешка чуть не съехал:

– Андрюха, ты гангстер! Предлагаешь мне органы тырить на работе?!

– Ну, для дела-то можно! – Андрей развёл руками. – Это же Турция!

Лёха стоял, слушал этот пьяный балаган и чувствовал, что всё идёт правильно. Они уже согласны, просто им надо проораться и прошутиться.

– Короче, – перебил он их. – Я серьёзно. Завтра едем к Людмиле. Берём путёвки.

Слава вдруг перестал ржать, посмотрел на Лёху долгим, мутным, но очень тёплым взглядом.

– Лёх, – сказал он тихо, почти трезво. – Ты правда хочешь? Чтобы мы вместе?

– Правда, – кивнул Лёха.

Слава шмыгнул носом, отвернулся, сделал вид, что рас-

смаатривает коробки с кроссовками. Потом резко повернулся обратно:

– А девушки там есть?

– В Турции? – переспросил Андрей. – Слав, ты больной? Там Турция, там бабы со всего мира!

– Тогда едем! – рявкнул Слава и стукнул кулаком по столу. Стакан подпрыгнул, но не упал.

– Едем, – кивнул Андрей и протянул руку.

– Едем, – Лёха накрыл его ладонь своей.

Слава, с чувством выполненного долга и диким перегастром, положил сверху третью руку:

– По рукам!

Они сидели так несколько секунд, пьяные, счастливые и уже мысленно в Турции. А потом Лёха убрал руку и добавил:

– Только если Андрюха обещает, что в отеле не будет спать с каждой официанткой подряд. А то нас с тобой, Слав, депортируют как соучастников.

– Я ничего не обещаю! – гордо заявил Андрюха. – Я свободный человек!

– Свободный человек с хламидиозом в анамнезе, – буркнул Слава, но улыбнулся.

– А вот это, – Андрей ткнул в него пальцем, – непрофессионально! Врач не имеет права разглашать!

– Я не разглашаю, я констатирую!

Лёха разлил остатки виски по стаканам – ровно на доньшке, чтобы чокнуться напоследок.

– За Турцию, пацаны.

– За Турцию!

– Чтоб мы там не убили друг друга!

И они выпили.

Глава 2.

Утро было солнечным. Слишком солнечным для тех, кто вчера убил в себя две бутылки виски и каким-то чудом раздобыл ещё бутылку абсента, которая стала финальным аккордом этого концерта. Магазин одежды Андрюхи напоминал поле боя после локального апокалипсиса.

Слава спал на диване около примерочных, раскинув ноги в разные стороны, как морская звезда, которую выбросило на берег после шторма. Он был всё в тех же трусах с утками и красной гавайской рубашке, только теперь рубашка задралась почти до подмышек, открывая миру бледное питерское пузо. Из рта слегка свистел воздух – Слава не просто спал, он набирался сил для нового дня.

Лёха уснул в туалете. Вчера бутылка абсента дала ему приключений на всю ночь, и, судя по позе, приключения эти были эпичными. Он сидел на полу, прижавшись щекой к прохладной раковине, и тихо постанывал во сне. Рука безвольно свисала в унитаз – хорошо хоть вода была чистой.

Андрюха спал в общем зале прямо на полу. В позе эмбриона, поджав колени к груди и используя в качестве подушки свёрнутую толстовку с принтом «Nike». Повезло, что витрины были закрыты коваными решётками, которые каждое утро Андрей открывал при начале работы. Иначе прохожие

уже собрали бы толпу и донаты на «помогите молодым бизнесменам».

Первым проснулся Андрюха. Не сам – его разбудил молодой голос.

– Андрей Сергеевич, – голос звучал настойчиво, но осторожно, будто человек боялся разбудить дикого зверя.

Кто-то тряс его за плечо. Андрюха с трудом разлепил веки и сквозь пелену похмелья увидел склонившегося над ним Данила. Его работник. Двадцать лет, студент, ответственный до ужаса. Андрюха взял его на подработку два месяца назад и ни разу не пожалел – парень открывал магазин вовремя, даже когда сам Андрей просыпал.

– Дань? – голос Андрюхи звучал как скрип несмазанной двери. – Ты чего тут?

– Андрей Сергеевич, полдесятого уже. Через полчаса магазин открывать.

Андрюха застонал. Не просто застонал – издал звук, которым умирающие киты прощаются с сородичами. Провёл ладонью по лицу, растёр остатки сна и медленно сел, опираясь спиной о стойку.

– Который час? – на всякий случай переспросил он, надеясь, что ему послышалось.

– Полдесятого, – терпеливо повторил Данил.

Андрюха обвёл взглядом зал. Вещи висели на своих местах, манекены не упали, касса на месте. Уже хорошо. Значит, вчера они не разнесли магазин в хлам, а просто выпили

и вырубилась. Он мысленно поблагодарил всех богов, включая тех, в которых не верил.

Взгляд упёрся в диван у примерочных. Там, раскинувшись в позе морской звезды, дрых Слава. Красная гавайка, трусы с утками, ноги в разные стороны. Данил проследил за взглядом начальника и слегка прифигел. Он явно не ожидал увидеть в магазине незнакомого мужика в нижнем белье и дикой рубашке.

– Андрей Сергеевич, – осторожно спросил Данил, – а это кто?

– Это Слава, – выдохнул Андрей, массируя виски. – Врач. Уролог.

– А почему он в трусах?

– Потому что хороший врач, – Андрей попытался улыбнуться, но вышло криво.

Данил переварил информацию. По лицу было видно, что она не укладывается в голове, но спорить с начальником он не стал.

– Вы вчера что отмечали? – спросил он, с трудом скрывая любопытство.

– Да так, – Андрей попытался вспомнить вчерашнее, но мозг выдавал только обрывки: покер, гавайские рубашки, крики «каре!», потом ещё что-то про Турцию... Турция? – Обычный вечер.

Он попробовал встать. Голову тут же сжало тисками, а перед глазами заплясали белые мушки. Пришлось ухватиться

за стойку и переждать волну тошноты.

– Дань, – прохрипел он, – будь другом, стоняй в магазин. Минералки возьми. Три бутылки. Можно четыре. Лучше пять.

– Сильногазированной? – уточнил Данил с понимающим видом. Видимо, не первый раз такое.

– Любой. Лишь бы жить.

Данил уже привычно взял из кассы две сотни и направился к выходу. У двери обернулся и бросил прощальный взгляд на Славу, который во сне почесал пузо и перевернулся на другой бок.

– Андрей Сергеевич, а в туалете у нас там... – Данил замялся, – там ещё один. Вроде живой. Храпит.

Андрей закрыл глаза. Лёха. Точно. Лёха в туалете.

– Иди за водой, Дань. Я разберусь.

Данил вышел. Андрей остался сидеть на полу, слушая, как где-то в подсобке булькает остывший кальян, как похрапывает Слава на диване и как из туалета доносится тихий, но крайне выразительный стон.

– Турция, – прошептал Андрей, потирая виски.

До открытия оставалось ещё полчаса. Андрей решил пока не трогать Славу – тот дрых на диване с таким умиротворённым лицом, будто ему сейчас должны были вручить Нобелевскую премию. Вместо этого Андрей поплёлся в туалет разбираться с Лёхой.

Он толкнул дверь и увидел друга. Лёха сидел всё в той же позе, прижавшись щекой к раковине, и тихо постанывал во сне. Андрей набрал в стакан воды из-под крана и безжалостно плеснул прямо в лицо.

– Твою мать! – Лёха дёрнулся, открыл глаза и замахал руками, пытаясь понять, где он и кто его убивает.

Перед ним стоял Андрей. Весь опухший, помятый, с красными глазами и лицом, которое явно видело лучшие времена. Но живой. Определённо живой.

– Живой, – поставил диагноз Андрей и тут же добавил без перехода: – Пусти, я ссать хочу.

Лёха, не говоря ни слова, поднялся, перешагнул через порог и вышел из туалета. В голове гудело, во рту было такое ощущение, будто там переночевала кошка. Он побрёл к столу в надежде найти хоть что-то, что можно выпить и не сдохнуть.

На столе стояли остатки вчерашнего пиршества: недоеденные роллы, засохшие и печальные, початая бутылка колы и главный виновник торжества – бутылка абсента. Землесто-зелёного цвета, с черепом на этикетке. Такое пьют только те, кто заранее договорился с совестью о разводе. Лёха скривился от одного вида этой бутылки и поплёлся в зал. Картина, открывшаяся перед ним, заставила его замереть.

Слава спал на диване. Всё в той же красной гавайской рубашке и трусах с утками. Но была одна деталь, которая превращала эту картину в произведение искусства: из тру-

сов самым бесстыжим образом вывалилось одно яйцо. Лёха невольно улыбнулся. Голова всё ещё гудела, но внутри что-то оттаяло. Он подошёл к дивану и начал безжалостно хлопать Славу по щекам.

– Мама... мне ко второму... – пробормотал Слава, не открывая глаз. Даже в отключке профессиональная деформация давала о себе знать.

– Вставай, невольный человек, долг зовёт! – торжественно провозгласил Лёха, продолжая наносить удары по лицу друга.

Слава с трудом разлепил веки. Всё плыло, голова гудела так, будто внутри поселилась целая бригада строителей. Он попытался сфокусировать взгляд на Лёхе, но получалось плохо.

– Лёх... – прохрипел он. – Мы где?

– У Андрюхи, – быстро ответил Лёха. Помолчал секунду, глянул вниз и добавил: – Яйцо поправь.

И ушёл в подсобку, оставив Славу одного разбираться с последствиями вчерашнего вечера и собственной анатомией.

Трое друзей собрались в подсобке. Ну, как собрались. Слава лежал на кровати Андрея – той самой, на которой бизнесмен обычно видел сны о втором магазине, – и досматривал свои урологические сны. Лёха сидел на мешке, уронив голову в ладони, и ждал святой минералки, за которой отпра-

вили Данила. Дверь скрипнула, и в подсобку зашёл Данил. В руках он держал пакет, из которого торчали спасительные бутылки.

– Андрей Сергеевич, вот минералка, – Данил аккуратно поставил пакет на стол и покосился на Славу, который всхрапнул и перевернулся на другой бок. Из трусов по-прежнему торчало то, чему не положено было торчать, но Данил тактично делал вид, что ничего не замечает.

Лёха поднял голову и протянул руку:

– Лёха, – представился он хрипло. – И спасибо, Данил. Ты наш спаситель. Если захочешь в рай – обращайся, замолвлю словечко.

Данил неуверенно улыбнулся:

– Да не за что. Я там ещё сок взял, на всякий случай. Думал, может, кому полегче будет.

– Золотой человек, – выдохнул Лёха и схватил первую бутылку.

Он открыл её трясущимися руками и сделал большой глоток. Мир изменился. Правда, изменился. Серые краски похмелья отступили, голова перестала взрываться, а строители внутри черепа немного притихли. Лёха выпил полбутылки залпом, поставил её на стол и блаженно откинулся на мешок.

– Жить буду, – констатировал он.

– А это не самоуверенно? – подал голос Данил. – Может, «Скорую» вызвать?

– Дань, я психиатр, – усмехнулся Лёха. – Я свою голову

насквозь вижу. Она просто отдыхает после вчерашнего.

Данил посмотрел на голову Лёхи с сомнением, но спорить не стал.

Лёха протянул новую бутылку в сторону кровати:

– Уролог, пить будешь? Или дальше будешь притворяться, что ты не с нами?

Слава с трудом разлепил глаза. Увидел бутылку и, не говоря ни слова, жадно вцепился в неё руками. Он пил так, будто последние сутки полз через пустыню Сахара. Вода текла по подбородку, капала на гавайскую рубашку, но ему было плевать.

– Медленнее, – посоветовал Данил. – А то хуже станет.

– Ему уже хуже некуда, – отмахнулся Лёха. – Слава, ты как вообще?

Слава оторвался от бутылки, шумно выдохнул и посмотрел на Лёху мутными, но уже немного живыми глазами.

– Я... – он попытался собраться с мыслями. – Я хочу жить. Но не уверен, что заслужил.

– Заслужил, заслужил, – махнул рукой Лёха. – Ты ж уролог, ты нужен обществу.

В этот момент в подсобку влетел Андрюха. В отличие от двух своих друзей, которые напоминали овощную базу после бомбёжки, Андрей выглядел так, будто вчера пил кефир и лёг спать в девять вечера. Он уже успел натянуть джинсы, футболку и даже причесаться. И сейчас бегал по магазину, раскладывая вещи и готовясь к открытию.

– Подвиньтесь, – скомандовал он, подхватил третью бутылку и сделал несколько жадных глотков. Только после этого кинул Славе его шорты, которые до этого валялись где-то в зале.

– Оденься, – строго сказал Андрей. – Ко мне скоро покупатели придут. Не хватало ещё, чтобы дети увидели уролога без штанов. У них психика сломается.

– А я думал, у меня выходной, – пробормотал Слава, но шорты послушно натянул. Правда, гавайскую рубашку снимать не стал. Красная, поверх шорт, смотрелась дико, но хотя бы прилично.

– Дань, – Андрей повернулся к работнику, – как там зал? Всё нормально?

– Да, Андрей Сергеевич, я уже витрины протёр, вещи поправил. Только вот... – Данил замялся. – Там на манекене кепка задом наперёд. Оставить или как?

– Чья кепка? – нахмурился Андрей.

Лёха поднял руку, как школьник:

– Моя. Я вчера примерял. Красивая кепка.

– Лёха, это манекен, а не вешалка, – вздохнул Андрей. – Дань,ними, поставь как надо. И вообще, если увидишь ещё какие-то следы нашего вчерашнего присутствия – убирай без вопросов.

Магазин работал на всех парах. За тонкой дверью подсобки кипела жизнь: хлопала входная дверь, звенел колоколь-

чик, голос Данила вежливо предлагал помощь в выборе размера. Люди ходили, примеряли вещи, совершали покупки, даже не подозревая, что в трёх метрах от них, за стеной, на узкой кровати Андрея лежат три трупа, которые только начинают подавать признаки жизни.

Трое друзей поместились на одном спальном месте чудом. Слава – в гавайской рубашке и шортах – занимал полкровати, раскинув руки и ноги. Лёха лежал с краю, положив голову на подушку. Андрей втиснулся между ними, и теперь все трое лежали молча, глядя в потолок и слушая ритм большого мира за дверью.

Где-то там люди завтракали, пили кофе, строили планы. А здесь – здесь была только минералка, тяжёлое дыхание и тихое осознание того, что вчера они сделали что-то важное. Или неважное. Главное – запоминающееся.

Слава первым пошевелился. Он нащупал телефон, кое-как разблокировал его и открыл приложение доставки. Экран светил ярко, резало глаза, но он терпел.

– Суп кто-нибудь будет? – спросил он в потолок. – Куринный.

В воздух одновременно поднялись три руки. Лёха, Андрей и даже сам Слава, который задал вопрос, – все синхронно проголосовали «за».

– Три супа, – пробормотал Слава, тыкая в экран. – Без хлеба. Хлеб отдельно. И воду. Ещё воду. И лимон. В чай лимон. Или в суп? В суп нельзя. Ладно, ща разберутся.

Он ткнул кнопку «Заказать» и отбросил телефон в сторону. Тишина, снова слышно только, как за стеной Данил пробивает чей-то чек.

– Мы во сколько в турагенство едем? – спросил Лёха, не поворачивая головы.

– Давай поедим и решим, – отозвался Андрей. – Надо ещё деньги снять.

Слава приподнялся на локте, посмотрел на друзей мутным, но уже немного более осмысленным взглядом.

– У меня дома в значке есть, – сказал он. – Полтинник лежит. На чёрный день.

Лёха с Андреем переглянулись.

– В каком значке? – уточнил Андрей.

– В обычном. Советском. С Лениным. Я там с детства храню. Мама научила. – Слава снова упал на подушку. – Сегодня, думаю, он самый чёрный. Можно вскрывать НЗ.

– У меня на счету ИП, – добавил Лёха. – Снимем. Главное, чтобы банк не заблокировал за подозрительные операции. А то я обычно такие суммы только налогам отдаю.

– Бизнесмены, блин, – усмехнулся Андрей. – У одного значок с Лениным, у другого ИП с бельём. А я как дурак, карточкой буду платить.

– У тебя просто нет души, – парировал Слава. – А у Лёхи есть. И у меня есть. В значке.

– У тебя яйцо из трусов торчит, а не душа, – хмыкнул Лёха.

Слава машинально дёрнулся проверить, но шорты были на месте. Он показал Лёхе средний палец и снова уставился в потолок.

Где-то за дверью звякнул колокольчик – новый покупатель. А в подсобке трое друзей лежали на одной кровати и ждали суп. Через час им предстояло решить, едут они в Турцию или нет. Но это будет через час. А пока – суп, минералка и тихое счастье того, что они есть друг у друга.

Суп привезли через сорок минут. За это время они успели дважды уснуть и проснуться, один раз поругаться из-за того, что Слава храпит, и ещё раз – из-за того, что Лёха во сне пинается. Андрей просто лежал посередине и принимал удары судьбы со стороны обоих.

Когда в дверь подсобки постучали, никто не пошевелился.

– Андрей Сергеевич, – раздался голос Данила. – Там курьер пришёл. Говорит, суп заказывали.

– Дай ему денег, – пробормотал Андрей в подушку.

– Я уже дал. Из кассы взял. Триста семьдесят рублей.

– Молодец. Иди работай.

– А суп вам занести?

– Неси. И ложки найди. Только не пластиковые, у меня принципы. – сказал Слава

Данил зашёл в подсобку с пакетом в руках и замер на пороге. Картина, открывшаяся ему, требовала либо фотоаппарата, либо немедленного обращения к психиатру. Трое

взрослых мужиков лежали на одной узкой кровати вповалку, как щенки. Слава – в гавайской рубашке и шортах, Лёха – в том, в чём вчера пришёл, Андрей – в джинсах и футболке, но без носков.

– Ложки, – напомнил Слава, не открывая глаз.

Данил поставил пакет на стол, порылся в ящике и нашёл три металлические ложки. Видимо, Андрей иногда всё-таки ел тут по-человечески.

– Ещё что-то? – спросил Данил.

– Исчезни, – ласково ответил Лёха. – И если кто-то спросит, мы умерли. Все трое.

– А магазин?

– Магазин живёт. Ты живёшь. Все живы. А мы умерли.

Данил посмотрел на Андрея. Тот слабо кивнул, подтверждая: да, мы трупы, всё законно.

Данил вышел, прикрыв дверь.

С минуту в подсобке было тихо. Потом Андрей сел. Сел и замер, пережидая, пока мир перестанет вращаться. Потом встал. Доштался до стола, открыл пакет и достал три контейнера.

– Суп, – объявил он. – Горячий даже.

– Не может быть, – простонал Слава. – Неси сюда.

Андрей раздал контейнеры. Лёха сел на кровати, держа суп в руках, и смотрел на него с таким благоговением, будто это не куриный бульон с лапшой, а священный Грааль.

– Я люблю тебя, суп, – прошептал он.

– Ты ешь сначала, – посоветовал Андрей, – а потом признавайся в любви.

Они ели молча. Ложки звенели о пластик, пар поднимался к потолку, смешиваясь с остатками вчерашнего кальянного дыма. Это был лучший суп в их жизни. Серьёзно. Абсолютно лучший. Слава отправил в рот третью ложку и зажмурился от удовольствия:

– Я сейчас заплачу.

– Плакать будешь, когда деньги на Турцию отдавать придётся, – буркнул Лёха, но сам жевал с не меньшим кайфом.

Андрей доедал свой суп молча, иногда поглядывая на телефон. Там были пропущенные от поставщиков, от бухгалтера и от какой-то Лены, которую он не помнил, но, судя по количеству сердечек в мессенджере, вчера вечером она ему очень нравилась.

– Андрюх, – позвал Лёха, – ты чего залип?

– Тут Лена какая-то пишет. Сердечки ставит.

– Красивая?

– Не помню.

– Значит, не очень, – сделал вывод Слава. – Красивых помнят даже под абсентом.

Андрей пожал плечами и отложил телефон. Потом посмотрел на пустой контейнер, на друзей и выдал:

– Ладно. Я пошёл душ принимать. У вас полчаса, чтобы прийти в себя. Потом едем к твоей Людмиле.

– К моей? – переспросил Лёха.

– Ты номер доставал, ты и отвечаешь.

– А если она страшная?

– Лёх, мы едем в Турцию, а не жениться на ней. Какая разница?

Лёха задумался. Потом кивнул:

– Логично.

Слава доел суп, слушая этот диалог, и вдруг понял: это происходит. Правда происходит. Они реально едут.

– Пацаны, – сказал он с ложкой во рту. – А мы правда едем?

– Правда, – ответил Андрей из коридора.

– А если я там утону?

– Ты уролог, Слава. В море нет писюнов, тебе ничего не угрожает.

Лёха заржал. Слава показал ему средний палец, но тоже улыбнулся. Суп был съеден. Мир потихоньку возвращался в нормальное русло. Впереди был душ, сбор денег и встреча с Людмилой из «Слетай с нами». А ещё – Турция. Самая настоящая.

Холодный душ они принимали по очереди, потому что сантехника в подсобке была рассчитана на одного. Первым зашёл Андрей – вышел через пять минут красный, но почти живой. Потом Лёха – тот стоял под ледяной водой минут десять и вышел с диким воплем: «Я ВИКИНГ, МНЕ ХОЛОДНО НЕ БЫВАЕТ», хотя сам трясся как осиновый лист. По-

следним в душ поплелся Слава. Он зашёл, закрыл дверь, и оттуда раздался сначала крик, потом мат, потом звук падающего мыла, а потом тишина.

Лёха с Андреем сидели в подсобке и ждали.

– Он там не утонул? – лениво поинтересовался Лёха.

– В душе? – Андрей поднял бровь. – Если утонул – поставлю свечку.

Минут через пять Слава вышел. Мокрый, взлохмаченный, в гавайской рубашке, надетой прямо на голое тело, и с полотенцем на шее. Шорты он кое-как натянул, но видно было, что процесс одевания дался ему тяжело.

– Я жив, – объявил он. – Но морально уничтожен.

– Соберись, – Лёха хлопнул его по плечу. – Нас ждут великие дела.

Они вышли в зал. Магазин уже жил своей жизнью – Данил обслуживал покупательницу, которая выбирала джинсы, и делал вид, что не замечает троих помятых типов, выползающих из подсобки.

Лёха сразу направился к вешалке, где вчера висели гавайские рубашки. Две из трёх – жёлтая и зелёная – всё ещё ждали своих героев.

– Андрюх, – Лёха снял зелёную с вешалки, приложил к себе и посмотрел в зеркало. – Беру.

– Бери, – махнул рукой Андрей.

– А сколько стоит? – Лёха полез в карман за телефоном, явно собираясь переводить деньги.

– Лёха, – Андрей положил руку ему на плечо и развернул к себе. – Ты серьёзно?

– В смысле?

– В смысле, я тебе щас цену скажу, ты начнёшь спорить, я скажу «не надо», ты скажешь «надо», мы проебём полчаса на эти пацанские разборки. Поэтому просто возьми рубашку и заткнись.

Лёха замер с открытым ртом.

– Андрюх...

– Для друзей не жалко, – перебил Андрей. – Всё. Закружили тему. Слава, а ты свою красную уже уносишь или как?

Слава, который всё это время стоял рядом и смотрел на них с лёгкой улыбкой, кивнул:

– Моя красная уже моя. Я в ней спал, я в ней душ принимал, я в ней жить буду.

– Только не женись в ней, – усмехнулся Андрей. – А то невеста испугается.

– Уролога трудно испугать, – парировал Слава. – Мы видели и не такое.

Лёха всё ещё держал зелёную рубашку в руках, смотрел на Андрея и молчал. Потом просто надел её прямо поверх своей футболки, застегнул верхнюю пуговицу и повернулся к зеркалу.

– Ну как?

– Ты похож на викинга, который забрёл на Гавайи, – выдал Слава.

– Идеально, – кивнул Лёха. – Поехали к Людмиле.

Андрей снял с вешалки жёлтую рубашку, последнюю из трёх. Покрутил в руках, посмотрел на друзей, потом на себя в зеркало. Жёлтый был его цветом. Солнечным. Почти как Турция.

– Дань, – крикнул он в сторону зала. – Мы уехали. Ты за главного.

– Хорошо, Андрей Сергеевич! – донеслось из-за стеллажей с джинсами.

Они вышли на улицу. Трое. В гавайских рубашках. Красный, жёлтый, зелёный. Как светофор. Как три друга. Как люди, которые только что решили изменить свою жизнь. Впереди была Людмила, билеты и Турция. А пока – питерское солнце, тяжёлая голова и чувство, что всё будет хорошо.

Глава 3.

На улице было многолюдно. Магазин Андрея находился в самом центре Питера, рядом с разводным мостом, так что люди здесь не исчезали никогда. Туристы фотографировали, местные спешили по делам, курьеры лавировали между прохожими, а по Неве лениво проплывали катера. Город жил своей обычной жизнью. Трое друзей в гавайских рубашках вписывались в эту картину идеально – ровно настолько, насколько утка вписывается в оперный театр.

– Есть хочу, – первым подал голос Слава.

– Я вообще-то тоже, – отозвался Лёха.

Суп, съеденный пару часов назад, сделал своё дело – помог голове очнуться, вывел из комы, но сытости не дал. Организм требовал тяжёлой артиллерии.

Ларёк с шавермой стоял через дорогу, прямо у набережной. Пара пластиковых столиков, запах жареного мяса, соусов и очереди из таких же страждущих, которые тоже когда-то были людьми.

– Андрюх, командуй, – Лёха сунул другу триста рублей. Слава молча добавил ещё триста.

Андрей, как человек с опытом ведения бизнеса и ведения переговоров с самыми разными людьми, без вопросов принял деньги и направился к ларьку. Через пару секунд он

уже стоял в очереди, разглядывая ассортимент и краем глаза оценивая продавщицу – молодую девчонку с хвостиком, которая лихо нарезала мясо.

Лёха со Славой плюхнулись за свободный столик, зажмурившись от яркого солнца. Питерское лето – штука редкая, и когда оно случалось, его хотелось ловить кожей, пока оно снова не спряталось за тучи.

– Слушай, – сказал Слава, щурясь на невские волны, – а мы точно не умерли?

– Если это рай, то он какой-то питерский, – ответил Лёха, не открывая глаз.

– Значит, ад.

– Тоже вариант.

Мимо прошла стайка девушек, покосившись на их гавайские рубашки.

– Слышь, а им нравится, – прокомментировал Слава.

– Им нравится, что мы выделяемся, – поправил Лёха. – А выделяемся мы потому, что мы два долбоёба в рубашках посреди Питера.

– Три, – поправил Слава. – Андрюха тоже в такой.

– Андрюха в жёлтом, он хотя бы как солнышко. А ты как светофор на красном.

– Это цвет победы.

– Это цвет «я перебрал вчера и сегодня мне всё равно».

Из-за спины донёсся голос Андрея:

– Мужики, тут выбор: курица или говядина. И соус – чес-

ночный или острый.

– Давай всё! – крикнул Лёха, не открывая глаз. – Чтобы два раза не вставать.

– И кофе три! – добавил Слава. – Только чтобы сладкий.

Андрей кивнул и вернулся к окошку. Через пару минут он уже стоял с пакетом, из которого торчали три стакана с кофе и три свёртка с шавермой.

– Держи сдачу, – Андрей высыпал мелочь на стол.

– Оставь себе, – отмахнулся Лёха. – За труды.

Он раздал кофе и шаверму. Несколько секунд все трое молча жевали, запивая горячим кофе и довольно щурясь на солнце.

– Знаете, – сказал Лёха с набитым ртом, – это лучший завтрак в моей жизни.

– Ты так про суп говорил, – напомнил Слава.

– Суп был лучшим утром. Сейчас – шаверма. Я разноситель человек.

Андрей дожевал, отпил кофе и посмотрел на часы.

– Так, мужики. У нас через час встреча с Людмилой.

– С кем? – не понял Слава.

– С турагенткой, – ответил Лёха. – «Слетай с нами».

– А, с той, которая скидочку делает?

– Она не про скидочку, она про билеты, – поправил Андрей. – Лёха, ты уверен, что она нормальная?

– Мама сказала – нормальная. Значит, нормальная.

– Аргумент.

Они допили кофе, доели шаверму и несколько секунд просто сидели, слушая город.

– Ну что, – сказал Лёха, поднимаясь. – Поехали к Людмиле. Судьбу решать.

– Я ещё не готов к судьбе, – вздохнул Слава.

– А кто готов?

Они встали из-за стола, оставив пустые стаканы и обёртки. Три гавайские рубашки – красная, жёлтая, зелёная – снова двинулись в путь по питерским улицам, распугивая прохожих и привлекая взгляды туристов.

Такси остановилось у двери с яркой вывеской: «Слетай с нами». «Рено Логан» чихнул напоследок и укатил в сторону центра, оставив троих друзей на тротуаре.

Они стояли и смотрели на дверь. Никто не заходил.

– Ну чего встали? – спросил Лёха.

– Не знаю, – ответил Слава. – Вдруг там дорого.

– Мы же уже обсуждали.

– А вдруг она страшная?

– Ты в Турцию едешь или жениться?

Слава пожал плечами и продолжил пялиться на вывеску.

Внутри за стеклом было видно: стойка, компьютер, на стенах – плакаты с пальмами, морем и счастливыми людьми. Обычное турагентство, каких по городу сотни. Но для них эта дверь сейчас значила больше, чем все двери в их жизни.

– Вы чего тут, ребят? – раздался голос сзади.

Они обернулись. Перед ними стояла девушка лет тридцати, симпатичная, с живыми глазами и лёгкой улыбкой. Летнее платье, в руках – ключи и папка с бумагами.

– Да вот... никак зайти не можем, – честно признался Слава. – В Турцию хотим.

Девушка улыбнулась шире.

– А, так это ты Алексей и его друзья?

Лёха шагнул вперёд и протянул руку:

– Алексей, он самый. А это Слава, – кивнул он на друга.

– И Андрей, но тот уже окно рассматривает, не дождался.

Андрей действительно уже прилип носом к витрине, разглядывая цены на плакатах.

– Людмила, – представилась девушка, пожимая руку. – Очень приятно. Ваша мама мне всё подробно рассказала. Пойдёмте, обсудим.

Она открыла дверь и жестом пригласила их внутрь.

Лёха переглянулся со Славой.

– Ну всё, – сказал тот. – Обратного пути нет.

– А кто искал обратный путь? – усмехнулся Лёха и шагнул внутрь.

Внутри оказалось именно то, что и ожидаешь от небольшого агентства в центре города. Стойка из светлого пластика, заваленная буклетами. Турция, Египет, Таиланд – всё, что обещало море и солнце. Стены в постерах: улыбающиеся пары на пляже, дети с мороженым, отели с бесконечны-

ми бассейнами. Два кресла для посетителей – удобные, но слегка потёртые. На столе – компьютер, телефон и неизменный кактус (потому что в каждом офисе должен быть кактус). За спиной Людмилы – шкаф с папками, подписанными аккуратным почерком: «Турция. Анталия», «Турция. Кемер», «Турция. Алания». И запах. Такой особенный запах турагентств – смесь бумаги, кофе и предвкушения отпуска.

Людмила села за свой стол, включила компьютер и жестом пригласила их располагаться в креслах.

– Ну что, мальчики, рассказывайте. Что хотите от отдыха?

Слава устроился в кресле, откинулся назад и выдал главное:

– Бабы, бухло, аквапарк. И чтоб никаких писюнов.

Людмила на секунду замерла, потом рассмеялась – искренне, громко, без офисной фальши.

– Знаете, – сказала она, – вы мне уже нравитесь. Таких клиентов у меня ещё не было.

Лёха вздохнул и добавил уже серьёзно:

– Нам бы в Gold City. С домиками и личными бассейнами.

– И чтоб не очень дорого, – вставил Андрей, наконец отлипнув от витрины и усаживаясь рядом.

Людмила застучала по клавиатуре, глядя в монитор.

– Сейчас посмотрим... На ваш Gold City... Есть варианты.

Она обернулась к ним с хитрой улыбкой.

– А вы не боитесь, что вшестером не поместитесь?

– Вшестером? – не понял Слава.

– Ну вы трое, плюс ваши э... комплексы. Места же много занимают.

Сначала повисла пауза. А потом все трое заржали. Даже Лёха, который обычно сдерживался.

Людмила явно знала, как работать с клиентами.

Людмила стучала по клавиатуре, иногда щурясь в монитор. Пальцы летали быстро – видно, что своё дело знает. В офисе повисла тишина, только мышь щёлкала да гудел старый компьютер.

– Так... – протянула она. – Смотрите, что есть.

Она развернула монитор так, чтобы им было видно, и ткнула пальцем в экран.

– Gold City. Пять звёзд. Территория – шикарная. Личные домики, у каждого свой бассейн. Шведский стол, шестизразовое питание. Всё включено: алкоголь местный, еда, закуски.

Слава подался вперёд:

– Местный – это какой? Виски есть?

– Есть. И виски, и пиво, и коктейли. Не «Hennessy», конечно, но напиться можно качественно.

– Меня устраивает, – кивнул Слава и откинулся обратно в кресло.

Людмила продолжила:

– Море не прямо у крыльца, но автобус возит как по расписанию – каждые десять минут, пять минут езды. Пляж чистый, лежаки бесплатно, аквапарк на территории, анимация

до упаду и шоу по вечерам. Скучать не дадут.

– Аквапарк... – мечтательно повторил Андрей. – Там, наверное, девушек много?

– На курорте всегда много девушек, – спокойно ответила Людмила. – Особенно если вы в нормальном состоянии, а не с похмелья.

Лёха хмыкнул, но промолчал.

– И главное, – Людмила сделала паузу, – тур на десять дней. Вылет завтра в семь утра из Пулково.

– В смысле завтра? – первым подал голос Слава.

– В прямом. Завтра. Сейчас сезон, места разбирают быстро. Этот тур – горящий. Кто-то отказался за пару часов до оплаты. Повезло вам.

Она назвала сумму:

– Сто восемьдесят тысяч на троих.

Лёха присвистнул. Слава даже не моргнул – он всё ещё переваривал фразу «вылет завтра».

– Это с перелётом? – уточнил Андрей.

– Всё включено. Перелёт, трансфер, страховка, отель, питание, алкоголь. Доплачивать только за личные экскурсии и если захотите премиальный алкоголь в баре.

– Сто восемьдесят... – повторил Лёха, прикидывая в уме.
– По шестьдесят с носа.

– Ну, – поправила Людмила, – с вас троих – да. Если будете брать.

Она откинулась на спинку кресла и посмотрела на них

спокойно, почти по-деловому.

– Но есть один нюанс.

Все трое напряглись.

– Деньги нужны в течение часа.

Слава открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

– В смысле – в течение часа?

– Тур горящий. Бронь держится ровно час. Если не оплатите – уйдёт другим. У меня уже трое звонили, спрашивали. Я вас держу, как приоритетных, потому что вы первые пришли и мама ваша, – она кивнула Лёхе, – хорошая женщина.

Лёха сглотнул.

– Час... – повторил он.

– Час, – подтвердила Людмила. – Время пошло.

И она демонстративно посмотрела на часы.

В офисе повисла пауза. Трое друзей переглянулись. Слава смотрел на Лёху. Лёха смотрел на Андрея. Андрей смотрел в одну точку, видимо, прикидывая, сколько у него на счету и где ближайший банкомат.

– Ну... – начал Слава.

– Сиди, – перебил Лёха и резко встал. – Андрюха, погна-
ли.

– Куда?

– Деньги снимать. У меня карта с собой, у Славы... – он посмотрел на друга, – у Славы значок с Лениным дома.

– Я быстро! – Слава тоже вскочил. – Я мигом! Я на такси!

– Успеешь? – спросила Людмила спокойно.

– Должен, – ответил Слава и уже рванул к двери.

На пороге обернулся:

– Если я не вернусь через час – вы без меня летите! Но я вернусь!

И выбежал. Лёха с Андреем переглянулись.

– Ну... – сказал Андрей. – Погнали, бизнесмен.

Людмила проводила их взглядом, потом перевела глаза на монитор.

– Час, мальчики, – тихо сказала она. – Час.

И нажала кнопку «забронировать».

Лёха с Андреем вылетели из офиса и рванули к банкомату через дорогу. Внутри всё кипело: адреналин, азарт и лёгкая паника от того, что час – это очень мало, а сто восемьдесят тысяч – очень много. Лёха достал карту, сунул в терминал, застучал по кнопкам. Купюры зашуршали, выползая из приёмника одна за другой. Он сгребал их прямо в карман шорт, даже не считая – потом разберётся. Рядом уже нетерпеливо переминался Андрей, когда Лёха наконец отошёл, уступая место. Андрей действовал спокойнее, по-деловому. Карта бизнесмена, пин-код, сумма. Купюры ровной стопкой легли в руку. Он пересчитал быстро, профессионально, сунул во внутренний карман и только тогда выдохнул. Оба переглянулись. Половина дела сделана. Оставалось только дожидаться Славу с его заначкой и надеяться, что он успеет до того, как Людмила отдаст тур другим.

Слава вылетел из офиса и побежал. Не то чтобы он был спортсменом – просто адреналин погнал его вперёд быстрее, чем любая таблетка. Он свернул за угол и через полквартила понял, что бежит не в ту сторону.

– Бляяядь! – выдохнул он, разворачиваясь на месте. – Куда я, идиот?! Домой надо, домой!

Он рванул обратно, лавируя между прохожими. Люди ша-рахались от мужика в красной гавайской рубашке, который нёсся по тротуару как олимпийский чемпион по спринту, только что с похмелья.

– Простите, извините, блядь, простите! – выкрикивал Слава, оббегая коляску с ребёнком. Мать что-то крикнула вслед, но он уже не слышал.

На ходу он шарил по карманам в поисках телефона, чтобы вызвать такси, но телефон, как назло, нашёлся только в третьем кармане. Он ткнул пальцем в экран, но палец вспотел, и разблокировка не сработала.

– Да твою же мать, чё за день! – Слава остановился на углу, вытер руку о рубашку и попробовал снова. – Давай, сука, работай!

Телефон разблокировался. Слава ткнул в приложение такси, выбрал «Подать сюда» и замер в ожидании.

– Давай, давай, давай... – бормотал он, глядя на экран. – Три минуты... Три минуты, блядь, это целая вечность!

Он оглянулся по сторонам, будто надеялся увидеть пу-

стую машину прямо перед носом. Машин не было. Были только прохожие, которые обходили его по широкой дуге.

– Ну нормально, да? – обратился он к мужчине с собакой.

– Жизнь решается, а такси три минуты едет!

Мужчина ускорил шаг и увёл собаку подальше.

– Да не ссы ты, я не кусаюсь! – крикнул Слава вслед. – Я врач! Уролог, если чё! К врачам вообще с уважением надо!

Он снова уставился в телефон.

– Две минуты... Две минуты, Господи, если ты есть – сделай так, чтобы эта машина приехала быстрее! Или хотя бы чтобы паспорт был на месте! И значок! Господи, где мой значок?! Я его вообще куда положил?!

Слава похлопал себя по карманам, но значка, конечно, не нашёл.

– Дома. Точно дома. На полке. Или в ящике. Или... Господи, главное, чтобы не в мусорке!

Машина подъехала через минуту. Слава запрыгнул на заднее сиденье и выдохнул:

– Давай, брат, гони! Пятнадцать тысяч! Нет, не пятнадцать, адрес давай скажу!

Водитель обернулся и посмотрел на него с лёгким испугом.

– Молодой человек, вы в порядке?

– Я в полном порядке! – заорал Слава. – Я счастлив, блядь! Я в Турцию улетаю! Только бабки надо забрать! Гони!

Водитель всё-таки нажал на газ.

Такси остановилось у подъезда. Слава вылетел из машины, даже не закрыв дверь.

– Стой здесь! – крикнул он водителю. – Я быстро! Деньги есть? Будут! Стой, блядь!

Водитель только кивнул – видимо, за смену он насмотрелся всякого, но мужик в гавайской рубашке, который несётся в подъезд с криками про Турцию, явно был в топе.

Лифт работал. Слава влетел в кабину и начал долбить кнопку третьего этажа, будто это могло ускорить процесс.

– Давай, давай, сука, быстрее...

Лифт полз. Слава смотрел на табло и считал про себя секунды.

– Третий этаж, блядь, это не пять минут, это вечность...

Двери открылись. Слава выскочил, подбежал к квартире, сунул ключ в замок. Ключ провернулся, но дверь не открылась.

– Чё за нахуй?!

Он дёрнул ручку. Дверь не поддавалась. Слава выдернул ключ, посмотрел на него, потом на номер квартиры.

– А, блядь... это второй этаж...

Он рванул вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

– Твою мать, твою мать, твою мать...

На третьем этаже он снова сунул ключ в замок. Щелчок. Дверь открылась. Слава влетел в коридор и заметался по

комнатам.

– Значок... значок... где значок?!

Он выдвинул ящик комода – там лежали носки, старые рецепты и засохший фломастер. Ничего.

– Не там.

Он рванул в спальню, открыл шкаф, начал шарить по полкам. Руки тряслись, мысли путались.

– Господи, если ты есть – помоги! Я в Турцию хочу! Я никогда на море не был! Ты же видишь!

Он замер. Посмотрел на полку с книгами. Там, между старым учебником по урологии и потрёпанным детективом, стоял жестяной пенал. Синий, советский, с выцветшим рисунком.

Слава схватил его, открыл трясущимися руками. Внутри лежал тот самый значок. С профилем Ленина. Он открутил крышечку – внутри аккуратная стопка свёрнутых купюр.

– Есть! – заорал он. – ЕСТЬ, СУКА!

Он вытащил деньги, сунул значок в карман и рванул обратно. В коридоре чуть не упал, запнувшись о собственные кроссовки.

– Да чтоб тебя...

Вылетел из квартиры, захлопнул дверь, побежал вниз по лестнице, потому что лифт показался ему слишком медленным. Топал так, что, наверное, разбудил всех соседей, но ему было плевать.

Выбежал из подъезда, запыхавшийся, красный, с волоса-

ми, которые торчали в разные стороны. Такси стояло на месте. Водитель смотрел на него с круглыми глазами.

– Погнали! – Слава рухнул на заднее сиденье. – В турагентство! То же самое! Гони!

– А деньги? – осторожно спросил водитель.

– Всё норм! – Слава вытащил из кармана пачку купюр, которые ещё не успел пересчитать, и помахал ей в воздухе. – Видишь? Деньги есть! Я теперь олигарх! Ну, почти. Гони, брат!

Водитель нажал на газ. Слава откинулся на спинку сиденья и выдохнул.

– Успею... должен успеть... – бормотал он, глядя в окно. – Пять тысяч плюс мои шестьдесят... Нет, шестьдесят пять... Или пятьдесят пять? Блядь, я хер знает. Главное – чтобы хватило.

Водитель посмотрел на него в зеркало заднего вида.

– Слышь, а ты в Турцию летал когда-нибудь? – задал вопрос Слава

– Нет, – коротко ответил водитель.

– А я сегодня полечу! – счастливо заявил Слава. – Если успеем, блядь. Гони быстрее, брат! У меня там жизнь решается!

Такси взвизгнуло тормозами у дверей турагентства. Слава пулей вылетел с заднего сиденья, сунул водителю первую попавшуюся купюру – кажется, тысячу – и на секунду замер.

Потом резко наклонился в открытое окно и чмокнул ошалевшего таксиста прямо в лоб.

– Ты лучший! – выпалил Слава. – Если у тебя когда-нибудь встанут проблемы с мочеиспусканием – обращайся, я уролог! Первый приём бесплатно!

Водитель только моргнул, провожая взглядом гавайскую рубашку, которая уже влетала в дверь агентства.

Слава влетел в офис, запыхавшийся, красный, с волосами, которые торчали в разные стороны. Лёха с Андреем уже стояли у стойки, переминаясь с ноги на ногу. Людмила смотрела на часы.

– Три минуты, – сказала она спокойно. – Я уже думала, бронировать другим.

– Успел! – выдохнул Слава, хлопнул ладонью по стойке и высыпал из кармана мятые купюры вперемешку с мелочью, жвачкой и каким-то чеком. – Я успел, блядь!

Лёха посмотрел на эту кучу и покачал головой:

– Ты бы ещё трусы с утками снял и ими заплатил.

– Не умничай, – отмахнулся Слава, пытаясь собрать деньги обратно в стопку. Руки всё ещё тряслись.

Людмила ловко пересчитала купюры, отделила мелочь и подвинула обратно Славе:

– Это лишнее. Ровно сто восемьдесят.

– Ровно? – удивился Андрей. – Мы даже не пересчитывали.

– А я пересчитала, – улыбнулась Людмила. – Работа у меня такая.

Она достала из принтера три электронных билета и разложила их перед ними.

– Паспорта давайте.

Лёха выложил свой первым. Андрей – следом. Слава начал шарить по карманам и через секунду замер с ужасом на лице.

– Паспорт... – прошептал он. – Я паспорт взял?!

Лёха закрыл глаза.

– Слава, блядь...

– Сейчас! – Слава снова начал обшаривать карманы, выворачивая их наизнанку. Из одного выпала зажигалка, из другого – тот самый значок с Лениным, потом какой-то старый чек, и наконец...

– Есть! – он вытащил потрёпанный паспорт и с победным видом шлёпнул его на стойку. – Я не идиот! Ну, почти не идиот!

Людмила взяла паспорт, сверила с билетами, пробила что-то в компьютере и протянула им обратно вместе с документами.

– Всё. Вылет завтра в семь утра из Пулково. Терминал один. Регистрация заканчивается за час. Опоздаете – билеты сгорят.

Слава взял билет дрожащими руками и посмотрел на него как на священный грааль.

– Это... это правда? Мы летим?

– Если не проспите, – усмехнулась Людмила.

Андрей уже убрал свой билет во внутренний карман и застегнул его на молнию.

– Всё, мужики, я в магазин. Собираться.

– А мы? – спросил Слава.

– А вы домой. И чтобы завтра без опозданий. Я за вами заеду?

– Не надо, – ответил Лёха. – Мы сами. На такси, встретимся в аэропорту.

Андрей кивнул и направился к выходу. У двери обернулся:

– Славик, не пизди завтра утром. Просто вставай и езжай.

– Я буду паинькой! – крикнул Слава вслед.

Они вышли из офиса все вместе. На улице уже вечерело, но солнце всё ещё грело. Андрей махнул рукой и поймал такси в сторону своего магазина. Лёха со Славой остались стоять на тротуаре, глядя друг на друга.

– Ну что, викинг, – сказал Слава. – Домой?

– Домой, – кивнул Лёха. – Собираться.

– А чё собирать-то? Я даже не знаю, что брать.

– Плавки возьми. Трусы с утками.

– А если их постирать надо?

– Возьми вторые.

– А если вторых нет?

Лёха вздохнул и полез в телефон вызывать такси.

– Слав, если ты завтра приедешь в аэропорт без трусов – я тебя убью. Но сначала мы долетим до Турции. А потом я тебя убью.

– Справедливо, – кивнул Слава.

Такси подъехало через пару минут. Они забрались на заднее сиденье, и машина покатила в сторону их района. В салоне играло что-то ненавязчивое. За окнами проплывал вечерний Питер. Слава сжимал в руках билет и смотрел в окно с глупой счастливой улыбкой.

– Лёх...

– М?

– А море правда солёное?

– Правда.

– А если я утону?

– Ты плавать умеешь?

– Ну... в ванной – да.

Лёха отвернулся к окну, чтобы Слава не видел его улыбку.

– Долетим – разберёмся.

Глава 4.

Андрей приехал в свой магазин, когда город уже начинал засыпать. Магазин закрылся час назад, свет в витрине ещё горел, но дверь была заперта. Он открыл своим ключом и сразу услышал возню в зале. Данил бегал между стеллажами и расставлял новый товар. Коробки с кроссовками, пакеты с футболками – всё это было аккуратно разложено вокруг, но сам Данил выглядел так, будто только что пробежал марафон.

– Добрый вечер, Андрей Сергеевич! – бодро поздоровался он, даже не останавливаясь.

– Привет, – Андрей сразу направился к кассе, сел на высокий стул и начал перебирать купюры. – Как дела у нас сегодня? Что по выручке?

Данил на секунду замер, разгибаясь над коробкой, и с гордостью выдал:

– Всё хорошо, сто тридцать тысяч. Из них я уже вычел расходы.

Андрей поднял бровь и оторвался от денег:

– Какие ещё расходы?

Данил улыбнулся – широко, почти по-детски:

– Минералку и суп.

Андрей замер на секунду, а потом не выдержал и усмех-

нулся.

– Дань, ты издеваешься?

– Никак нет. Всё по-честному, – Данил развёл руками. – Вы ж вчера сказали: «Если что – бери из кассы». Я и взял. Чек, кстати, сохранил, если нужно.

Андрей покачал головой и снова уткнулся в деньги, но улыбка всё ещё держалась на лице.

– Ладно, спишем на представительские расходы.

Данил кивнул и вернулся к коробкам. Андрей пересчитал купюры, сложил их в пачку и убрал в сейф. Потом откинулся на спинку стула и посмотрел на своего работника.

– Слушай, Дань... А ты вообще спать когда планируешь?

– Успею, – отозвался Данил, не оборачиваясь. – Вы завтра улетаете, мне теперь тут хозяйствовать. Надо, чтоб всё красиво было.

Андрей хмыкнул, встал и подошёл к нему.

– Если я через две недели вернусь, а магазин будет лучше, чем был – я тебе премию выпишу.

– А если не вернётесь? – вдруг спросил Данил, обернувшись.

Андрей на секунду замялся, потом хлопнул его по плечу:

– Тогда магазин твой. Работай.

И пошёл в подсобку – собираться.

Андрей достал свой маленький чёрный чемодан на колёсиках. Потёртый, но надёжный. С этим чемоданом он объез-

дил пол-Европы: Турция, Китай, Италия, даже пару раз летал в Штаты за лимитированными коллекциями. Именно эти поездки сделали его магазин тем, чем он стал. Люди приезжали из других районов, чтобы купить вещи, которых больше нигде не было. Слава, которую он построил своими руками.

На чемодане не осталось живого места – везде наклейки. Париж, Милан, Берлин, Стамбул. Каждая – маленькая память о городе, где он был ровно столько, сколько нужно, чтобы закупить товар и успеть на обратный рейс. Отели, склады, переговоры, такси до аэропорта. И ни одного лишнего дня на море.

Андрею было двадцать семь. Девять лет назад, в восемнадцать, он закончил одиннадцать классов и сразу пошёл работать. Пока его сверстники тусили в общагах, списывали лекции и гуляли до утра, он считал деньги, договаривался с поставщиками и впахивал как проклятый. У него не было диплома, как у Лёхи. Не было ординатуры, как у Славы. Были только руки, голова и желание вылезти из той дыры, в которой он вырос.

Стартовый капитал достался ему по иронии судьбы. Бабка умерла и оставила квартиру. Маленькую, старую, в спальном районе. Андрей не думал ни секунды – продал её, добавил кредитов, залез в долги по самую макушку и купил помещение в центре. Все вокруг крутили пальцем у виска. А он просто работал. День и ночь. Спал в подсобке, ел что попало, не

вылезал из кредитов.

Теперь кредитов не было. Был магазин, который знали в городе. Была репутация. Было чувство, что он всё сделал правильно.

Андрей провёл ладонью по наклейкам на чемодане, задержался пальцем на одной – Стамбул. Он был там три раза. И ни разу не видел моря.

Он открыл чемодан и начал кидать вещи. Без списка, без особого выбора – просто на глаз. Плавки, которые купил два года назад и ни разу не надел. Футболки. Шорты. Кроссовки. Всё как обычно, только теперь не для работы. На секунду он замер, глядя на чемодан. Девять лет. Девять лет без нормального отдыха. Без моря. Без того, чтобы просто выдохнуть.

– Ну, – сказал он сам себе, – теперь можно.

Закрыв чемодан, щёлкнул замками и поставил его у выхода из подсобки. Завтра они летят. И впервые за долгое время он ехал не за товаром, а за чем-то другим.

Андрей вышел из подсобки с чемоданом и поставил его у кассы. Данил всё ещё возился с коробками, но уже заметно уставший.

– Дань, я закончил, – сказал Андрей. – Завтра с утра вылетаю. Ты тут за главного.

Данил кивнул, но вдруг спохватился:

– Андрей Сергеевич, тут такое дело... Завтра поставка должна прийти. «Новая коллекция», помните? Я один не справлюсь, там много коробок.

Андрей на секунду замер.

– Точно. Забыл совсем.

Он потёр лоб, прикидывая варианты, но Данил уже добавил:

– Вы не переживайте, я сам всё сделаю. Просто предупредил, чтобы вы знали.

– Дань, ты справишься?

– Конечно. Только табличку повешу, что приём товара, и всё.

Андрей посмотрел на него с уважением.

– Если что – звони. Я в Турции буду, но телефон работает.

Данил улыбнулся:

– До Турции далеко, Андрей Сергеевич. Летите спокойно, я разберусь.

– Дань, я серьёзно. Если что – звони.

– Всё будет хорошо, – ответил Данил и снова полез в карманы.

Слава сидел на диване и курил. Перед ним на полу стоял старый армейский рюкзак – потёртый, зелёный, с одной лямкой, которая вечно спадала. Рюкзак был раскрыт и смотрел на Славу с немим вопросом: «И это всё?»

– Так... – Слава затянулся, выпустил дым в потолок и уставился в одну точку. – Что брать с собой?

Он начал загибать пальцы, не выпуская сигарету:

– Шорты... Трусы... Носки... Рубашку...

Он посмотрел на рюкзак, потом снова в потолок.

– А похуй. Влезет.

Слава резко вскочил, подошёл к шкафу и открыл дверцу. Внутри был бардак, но Слава ориентировался в нём как рыба в воде. Он вытащил первую попавшуюся футболку, понюхал её, пожал плечами и сунул в рюкзак.

– Пойдёт.

Дальше полетели:

– Шорты. Одни. Хватит. Трусы. Трое. Мало ли, вдруг утону. Носки. Две пары. Если что, буду ходить босиком, как викинг. Футболка. Ещё одна. На всякий случай.

Он замер, вспомнив что-то важное. Подошёл к тумбочке, выдвинул ящик и вытащил оттуда те самые трусы с утками. Подержал в руках, улыбнулся и торжественно уложил их поверх остальных вещей.

– Без этого никак. Это моя визитная карточка.

Потом вспомнил про пляж. Порылся в шкафу и нашёл старые плавки – выцветшие, с непонятным рисунком, который когда-то был то ли пальмой, то ли леопардом.

– Эти пойдут. В Турции темнота, не увидят.

Плавки полетели в рюкзак. Слава оглядел комнату, пытаюсь вспомнить, что ещё нужно. Взгляд упал на стетоскоп, висящий на спинке стула. Слава замер.

– А вдруг кому-то в самолёте станет плохо? Или в отеле? Прибегут: «Доктор, спасите!» А я без инструмента.

Стетоскоп отправился в рюкзак.

– Паспорт? – Слава похлопал себя по карманам. – Не, не взял ещё. Надо взять.

Он положил паспорт на самое дно, чтобы не потерять.

– Сигареты.

Тут Слава задумался. Сигарет было много. Очень много. Он вытащил из-под стола целый блок, повертел в руках и попытался засунуть в рюкзак. Блок не лез.

– Так, не влезает.

Он вытащил свитер, который зачем-то сунул в самом начале. Вытащил вторую футболку. Вытащил стетоскоп, подумал и засунул обратно. Блок всё ещё не лез.

– Ладно, – Слава вздохнул. – Возьму половину.

Он разорвал блок, вытащил пять пачек и засунул их в рюкзак. Остальные пять положил обратно под стол.

– Вдруг вернусь – пригодятся.

Он застегнул рюкзак, с трудом натянул молнию, встряхнул его и повесил на плечо. Лямка, конечно, сразу спала.

– Ну и хрен с ней.

Слава подошёл к зеркалу, посмотрел на себя. Красная гавайка, растрёпанные волосы, рюкзак на одном плече, из которого торчит угол стетоскопа и выглядывает утиная лапа с трусов.

– Красавчик, – сказал он своему отражению. – Прямо турист.

Он сделал последнюю затяжку, затушил сигарету в пепельницу и направился к двери.

– Всё, я готов. Можно лететь.

И тут же вспомнил, что забыл зубную щётку.

Лёха сидел на кухне и пил пиво. Бутылка «Бергауэр Вишня» стояла перед ним на столе, уже наполовину пустая. Рядом валялся раскрытый рюкзак – чёрный, вместительный, выдавший виды. Лёха не спешил. У него было полчаса, и он знал: за полчаса можно собраться хоть на войну, хоть на море.

– Так... – пробормотал он, делая глоток. – Что там нужно?

Он задумался ровно на три секунды, потом встал, подошёл к шкафу и начал кидать вещи в рюкзак без всякой системы, но с удивительной точностью.

– Шорты. Футболка. Ещё футболка. Плавки.

Всё летело в рюкзак, как будто Лёха делал это каждый день. Пиво стояло рядом на тумбочке, чтобы не отвлекаться.

– Трусы. Носки. Кроссовки вторые – на всякий случай.

Он заглянул в шкаф, нашёл старую бандану, покрутил в руках и тоже кинул в рюкзак.

– В Турции солнце, надо голову закрывать. А то викинги тоже лысеют.

Лёха допил пиво, поставил пустую бутылку на стол и подошёл к комоду. Верхний ящик, правый угол. Там, в маленькой деревянной шкатулке, лежало самое ценное. Он открыл крышку. Внутри, на потёртом бархате, лежали серьги. Не одна – несколько. Но Лёха сразу взял те, что лежали отдель-

но, на чистой тряпице. Две серьги. С крестами. Маленькие, серебряные, с тонкой гравировкой. Он носил их много лет, снимал только в самых редких случаях. Говорят, викинги носили кресты после крещения. Лёха не был уверен насчёт крещения, но кресты носил. Зачем? Просто так. Для спокойствия.

Он взял одну серьгу, покрутил в пальцах, потом аккуратно вдел в ухо. Вторую убрал обратно в шкатулку – на всякий случай, если потеряет.

– Красота, – сказал он своему отражению в зеркале.

Потом закрыл рюкзак, застегнул молнию, встряхнул его и закинул на плечо. Рюкзак сел идеально, как будто всегда там и был. Лёха посмотрел на часы. Прошло двадцать минут. Осталось десять.

Он взял с холодильника блок сигарет, сунул в боковой карман рюкзака, проверил, на месте ли паспорт и билеты, и вышел из квартиры.

В подъезде он остановился на секунду, прислушался. Где-то внизу хлопнула дверь. Город спал. Лёха улыбнулся и пошёл вниз. Впереди была Турция.

На улице его встретил Слава. Стоял, опершись спиной о стену подъезда, курил и смотрел куда-то в сторону ночного неба. Рюкзак болтался на одном плече, лямка, как обычно, сползла.

– Ты чё так долго? – Слава выпустил дым и глянул на Лёху

с укором. – Ты же не женщина, чтобы так собираться.

– Славик, не пизди, – лениво ответил Лёха и, не сбавляя шага, ткнул в телефон, вызывая такси.

Слава только хмыкнул, затушил сигарету и пошёл следом.

Такси подъехало через пару минут. Лёха назвал адрес, и водитель, мужик лет пятидесяти с усталым лицом, удивлённо поднял бровь.

– В центр? Ночью?

– Ага, – коротко ответил Лёха. – Дела.

Водитель пожал плечами и нажал на газ. Всю дорогу ехали молча. Слава дремал, уронив голову на рюкзак, Лёха смотрел в окно на пустые питерские улицы. Город спал, и только редкие такси да мусоровозы напоминали, что жизнь всё ещё теплится.

Машина остановилась у магазина Андрея. Дверь была закрыта, свет в витрине погашен. Только табличка на стекле тускло отражала свет фонарей.

– И чё делать? – Слава вышел из такси, потянулся и с недоумением уставился на закрытую дверь.

Лёха усмехнулся и достал телефон. Он набрал номер, включил громкую связь. В трубке раздался сонный, но уже привычно спокойный голос Андрея:

– Блудный сын, чё делаешь?

– Да так, сижу в телефоне. А вы чё не спите?

Лёха открыл рот, чтобы ответить, но тут сзади в трубку заорал Слава, перекрывая ночную тишину:

– ДВЕРЬ ОТКРЫВАЙ! Я ТВОИ ЯЙЦА ЗАБЕРУ, ЕСЛИ НЕ ВЫЙДЕШЬ!

Андрей на том конце замер на секунду, потом в трубке послышался звук падающего телефона и топот босых ног. Лёха молча сбросил вызов.

Через минуту дверь магазина распахнулась. Андрей стоял на пороге – взлохмаченный, в одних шортах и футболке, с отпечатком подушки на щеке. Он посмотрел на двух друзей в гавайских рубашках, которые стояли посреди ночного города с рюкзаками, и вдруг широко улыбнулся.

– Вы... вы серьёзно?

Слава развёл руками:

– А чё? Если ехать, то вместе. Даже в аэропорт.

Андрей покачал головой, но улыбка не сходила с лица. Он отступил в сторону, пропуская их внутрь.

– Проходите, идиоты. Чай будете?

– Водка есть? – уточнил Слава, переступая порог.

– В самолёте выпьешь.

– А если не дадут?

– Значит, я с тобой рядом сяду и дам.

Лёха, проходя мимо Андрея, хлопнул его по плечу:

– Собирайся, бизнесмен. Через шесть часа вылет.

Андрей посмотрел на часы и вздохнул:

– Шесть часов... Я даже выспаться не успею.

– Поспишь в Турции, – ответил Слава, уже устраиваясь на мягком мешке в подсобке. – Там море, лежаки... Главное, чтобы аниматоры не разбудили.

Андрей только усмехнулся и закрыл дверь.

Через час они втроём сидели в подсобке, пили крепкий чай и курили персиковый кальян. За окном начинало светать. Впереди был аэропорт, самолёт и море.

Глава 5.

До вылета оставалось три часа. Три часа – и они в самолёте. А там – море, песок и целых десять дней, о которых можно будет вспоминать всю оставшуюся жизнь.

Слава спал. Развалился на мягком мешке, запрокинув голову, и тихо похрапывал, изредка чмокая губами. Рюкзак валялся рядом, из него по-прежнему торчал стетоскоп и выглядывал край трусов с утками.

Лёха с Андреем сидели напротив друг друга, пили уже остывший чай и просто разговаривали. О чём? Да ни о чём особенном. О школе, о детстве, о том, как всё странно поворачивается.

У них было общее детство – все трое учились в одной школе. Андрей был на два года старше, и в те времена они почти не пересекались. А потом жизнь свела. Теперь вот сидят в подсобке магазина одежды и ждут вылета в Турцию.

Вдруг звякнул колокольчик на входной двери. Все трое (ну, кроме Славы) напряглись, но через секунду из зала донёсся знакомый голос:

– Андрей Сергеевич, это я. Не спите?

Данил заглянул в подсобку – заспанный, в куртке нараспашку, с небольшим рюкзаком за плечами. В руках он держал пакет, из которого торчали какие-то бумаги.

– Дань? – Андрей удивлённо поднял брови. – Ты чего в такое время?

– А вы чего не спите? – парировал Данил, но без наглости, скорее с улыбкой. – Я подумал: пока вы не улетели, надо все дела закрыть. Чтобы не вспоминали потом в Турции.

Он подошёл к столу, вытащил из рюкзака папку с документами и аккуратно разложил перед Андреем.

– Вот. Накладные на поставку, ключи от подсобки, ключи от кассы, деньги на новые коробки – я вчера снял, как вы просили. Всё по списку.

Андрей посмотрел на эту стопку, потом на Данила. И вдруг, без лишних слов, коротко и крепко обнял его.

– Спасибо, Дань. Ты справишься.

– Конечно, – кивнул Данил, чуть смутившись. – Вы только вернитесь.

– Вернёмся, – ответил Андрей. – Куда мы денемся.

Данил улыбнулся, махнул рукой и вышел так же тихо, как появился. Дверь за ним звякнула, и в подсобке снова стало тихо. Только Слава всхрапнул и перевернулся на другой бок.

– Хороший парень, – сказал Лёха, глядя на дверь.

– Ага, – кивнул Андрей. – Жалко, бизнесмен из него так себе. Слишком добрый.

– Добрый – это не минус, – возразил Лёха. – Это просто другой подход.

Андрей усмехнулся, посмотрел на часы и резко встал.

– Ладно, философы. Через полтора часа выезжаем. Давай-

те собираться по-настоящему.

Он подошёл к спящему Славе и безжалостно толкнул его в плечо.

– Подъём, турист. Самолёт не ждёт.

Слава открыл один глаз, посмотрел на Андрея мутным взглядом и выдал:

– А можно я ещё пять минут? Там море никуда не денется.

– Денется, – ответил Лёха. – Если не встанешь – уплывёт без тебя.

Слава вздохнул, сел, потёр лицо и полез за сигаретами.

– Ладно, уговорили. Поехали.

Трое пацанов стояли на улице как светофор в своих гавайских рубашках и ждали такси. Красный, жёлтый, зелёный – если смотреть слева направо. Раннее утро только начинало разгораться, и их рубашки горели в этом сером питерском свете как три сигнальных огня.

До подачи оставалось пять минут.

– Покурим? – предложил Слава, уже доставая пачку.

Лёха ничего не ответил – просто протянул руку, взял у него сигарету. Зажигалка чиркнула, дым потянулся вверх. Все посмотрели на Андрея. Тот обычно не курил обычные сигареты – только кальяны и электронки. «Письки дьявола», как называл их Слава.

– А где твоя? – Слава ухмыльнулся. – Писька дьявола со вкусом колы?

Андрей только улыбнулся и молча мотнул головой. Мол, нет сегодня.

– Будешь? – Лёха протянул ему пачку.

Андрей посмотрел на сигареты, потом на друзей. Секунду поколебался – и взял. Прикурил, затянулся, чуть заметно поморщился, но виду не подал.

Они стояли втроём, задрав головы, и пускали дым в светящееся небо. Как три паровоза перед дальней дорогой. Никто не говорил – просто курили и смотрели, как город просыпается.

– Дорогие, вы вызывали? – стекло машины плавно опустилось, и оттуда выглянул мужчина с характерным кавказским акцентом. Улыбка, тёплый взгляд, рука на руле. Все трое, не стовариваясь, одновременно выкинули недокуренные сигареты в урну. Чётко, как по команде.

– Погнали, – сказал Лёха и открыл багажник.

Чемодан Андрея, два рюкзака – один чёрный, вместительный, второй армейский, с вечно спадающей лямкой, – полетели внутрь. Слава хлопнул крышкой, и машина слегка качнулась на рессорах. Они забрались внутрь. Лёха – спереди, рядом с водителем. Слава и Андрей – сзади.

– В Пулково, – сказал Лёха.

Таксист кивнул, включил поворотник, и машина плавно влилась в утренний поток.

Машина плавно вырулила со двора. Город только просы-

пался, но питерские улицы уже начинали наполняться жизнью – редкие машины, сонные пешеходы, где-то вдалеке замигал зелёный светофор. В салоне играла какая-то восточная музыка, тихая, ненавязчивая. Таксист – мужчина лет сорока с усами и добрыми глазами – уверенно держал руль и иногда поглядывал в зеркало заднего вида на пассажиров.

– Давно небось в Турцию собирались? – спросил он с лёгким акцентом, просто чтобы поддержать разговор.

– Всю жизнь! – встрепенулся Слава с заднего сиденья. – Я, можно сказать, только ради этого и родился.

– Он вообще с утра не родился, – вставил Лёха с переднего сиденья, даже не оборачиваясь. – Мы его еле добудились.

– Зато я готов! – Слава подался вперёд и положил подбородок на спинку водительского кресла. – Слышь, брат, а ты сам-то где отдыхаешь? В Турции был?

Таксист улыбнулся:

– Конечно был. Стамбул, Анталия, Алания... Хорошо там. Море, солнце, шашлык.

– Шашлык – это да, – мечтательно протянул Слава. – А девушки там есть?

– Слав, – подал голос Андрей с заднего сиденья, даже не открывая глаз. – Не позорься.

– Я не позорюсь, я интересуюсь! Брат, скажи: есть девушки?

Таксист хитро прищурился:

– Есть. Туристок много. Русских много.

– О! – Слава ткнул пальцем в Андрея. – Слышал? А ты говоришь – позорюсь. Я стратегически информацию собираю.

– Ты собираешь не информацию, а диагноз, – буркнул Лёха. – Тебе бы, кстати, по профессии поработать. Спроси у водителя, как у него с предстательной железой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.